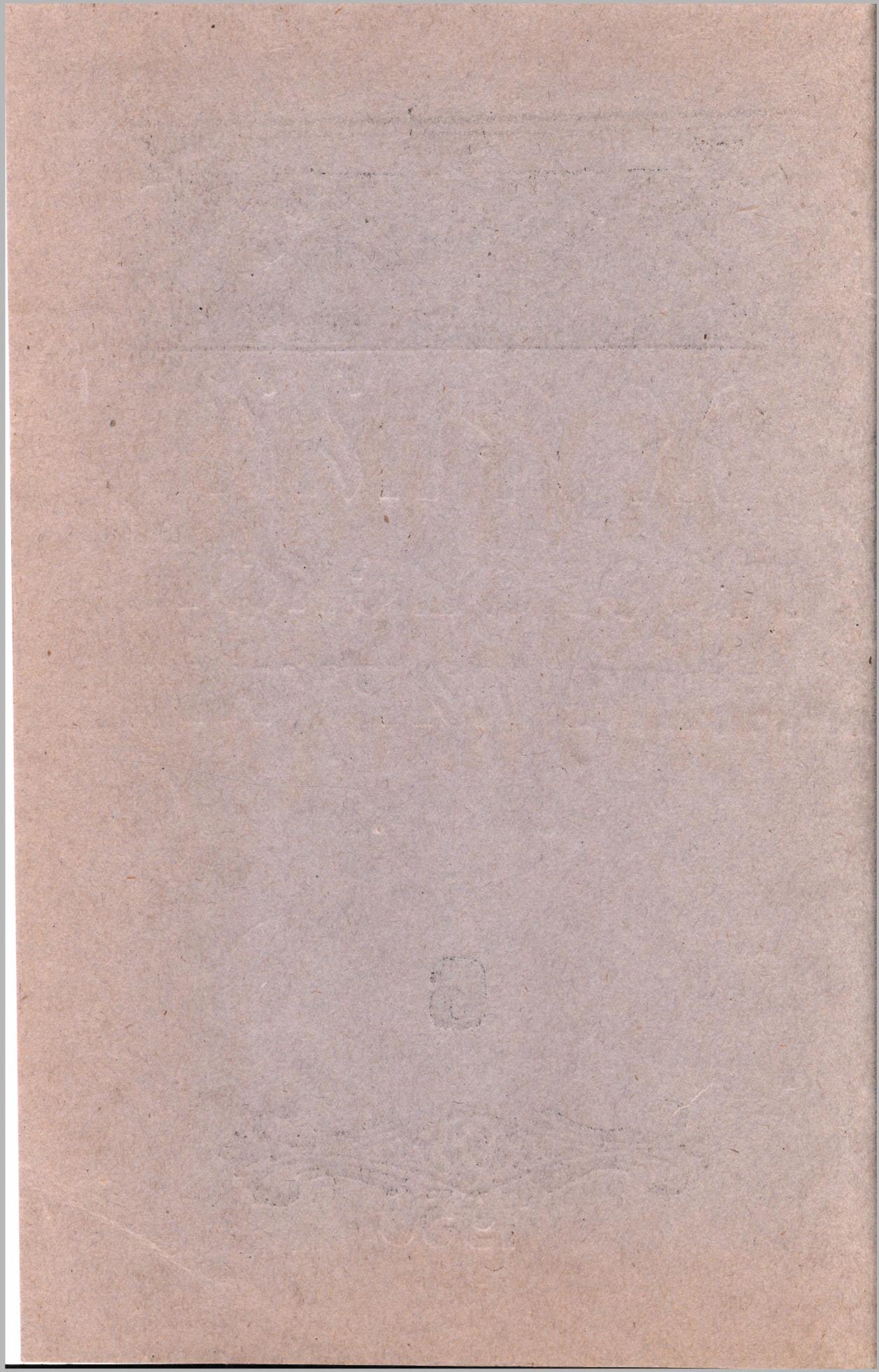




**ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ**

6





ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ

№ 6

И Ю Н Ъ

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ
МОСКВА 1950

1875

Официальная часть

ОБРАЩЕНИЕ ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЯ

*АРХИПАСТЫРЯМ, ПАСТЫРЯМ И ВЕРНЫМ ЧАДАМ РУССКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ*

С тридцатого июня по всей стране нашей открывается сбор подписей под Стокгольмским Воззванием Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира.

Верховный Совет СССР недавно вынес решение о всемирной поддержке этого Воззвания и этим выразил волю всего нашего народа продолжать свой созидательный труд в мирных условиях. Не сомневаюсь, что каждого верного сына нашей Родины одушевляет горячее стремление принять деятельное участие в деле ограждения мира не только в нашей стране, но и во всем мире.

Внося свою подпись под этим важнейшим историческим документом, я призываю всех архипастырей, пастырей и верных чад нашей Святой Православной Церкви присоединить свой голос в защиту мира путем своих подписей и тем засвидетельствовать свою непреклонную решимость самоотверженно бороться за мир.

Господь Иисус Христос, Который есть мир наш (Ефес. 2, 14), да благословит настоящее святое дело и да дарует успех этому великому начинанию к осуществлению торжества вечного мира во всем мире.

Во имя соблюдения заповеди Христовой о любви благословляем подписать Воззвание Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира — духовенству по месту жительства и мирянам по месту их работы или жительства.

В ближайший воскресный день передайте возлюбленной о Господе пастве это наше благословение.

АЛЕКСИЙ, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

г. Москва
1 июля 1950 года

**ТЕЛЕГРАММА
КОНФЕРЕНЦИИ ДУХОВЕНСТВА СОФИЙСКОЙ ЕПАРХИИ**

*ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВУ,
ПАТРИАРХУ МОСКОВСКОМУ И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЮ*

Священники Софийской епархии, собранные ныне на Конференцию в Софии и воодушевленные Вашим призывом к миру, свидетельствуют Вашему Святейшеству свое сыновнее почитание и уверяют Вас, что вместе со своими архипастырями, исполняя завет своего Пастыреначальника Иисуса Христа о мире на земле и благой воле между людьми, они становятся твердо и непоколебимо, заодно со всем болгарским народом, на фронте мира, счастливо возглавляемом и руководимом Вашей великой могущественной страной. Наше священство обещает приложить все усилия к объединению воли и разума всех верующих в нашей стране для борьбы против поджигателей новой войны. По молитвам Вашего Святейшества Господь Бог да благословит и утвердит дело мира во всем мире.

Председатель Митрополит Пансий

София
6 июня 1950 г.

ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ

СЛУЖЕНИЯ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ

(МАИ)

11 мая, в четверг, Святейший Патриарх Алексий совершил литургию в домовый Крестовой церкви и после литургии благодарственный молебен в связи с 37-летием со дня своей епископской хиротонии.

13 мая, в субботу, литургия и молебен св. Никите Новгородскому были совершены Святейшим Патриархом в домовый Крестовой церкви. После молебна состоялась лития по скончавшемуся Патриархе Сербском Гаврииле.

17 мая, в день Отдания Пасхи, Святейший Патриарх совершил литургию в домовый Крестовой церкви. В тот же день вечером, под Вознесение Господне, он совершил всенощное бдение в Патриаршем Богоявленском соборе.

18 мая, в день праздника Вознесения Господня, Святейший Патриарх совершил литургию в Патриаршем Богоявленском соборе.

21 мая, накануне праздника перенесения мощей святителя Николая, всенощное бдение было совершено Святейшим Патриархом в Патриаршем Богоявленском соборе; там же он совершил и литургию в день праздника, 22 мая.

27 мая, накануне дня Святыя Троицы, Святейший Патриарх в 3 ч. пополудни совершил вечерню с акафистом Живоначальной Троице, а затем всенощное бдение в Успенском соборе Троице-Сергиевой лавры; 28 мая, в день праздника — литургия и вечерня были совершены им в том же соборе.

КОНЧИНА ЕПИСКОПА КАЗАНСКОГО И ЧИСТОПОЛЬСКОГО ИУСТИНА

(1891—1950 гг.)

Утром 4 апреля текущего года, в Великий Вторник, в Казани скончался Преосвященный Иустин, епископ Казанский и Чистопольский. Его кончина последовала после тяжелой и продолжительной болезни на 60 году жизни.

Почивший святитель (в мире Иоанн Мальцев) происходил из Вологодской епархии, там прошел начальную и среднюю школы, а высшее богословское образование получил в Казанской Духовной Академии.

По окончании академического курса он в 1915 г. принял священный сан и служил на приходе в родной ему Вологде, занимая одновременно должность законоучителя Учительского института и женской гимназии. Некоторое время ему пришлось также нести обязанности благочинного и члена епархиального управления.

Дальнейшее его служение продолжалось в Богородицкой кладбищенской церкви г. Вологды, откуда он в 1945 г. и был призван к епископскому служению.

Назначенный Патриаршим Местоблюстителем, Митрополитом Ленинградским и Новгородским Алексием и Священным Синодом на Вологодскую кафедру, протоиерей Иоанн Мальцев 5 января 1945 г. принял монашество с именем Иустина, а 8 января был возведен в Спасо-Преображенском соборе г. Ленинграда во епископа Вологодского и Череповецкого.

На этой кафедре Преосвященный Иустин прослужил 4 года и 7 месяцев. Затем он состоял в течение двух месяцев епископом Псковским и Порховским, а с 20 октября прошлого года принял в управление Казанскую епархию после архиепископа Гермогена.

В Казань Преосвященный Иустин приехал уже совсем больным, хотя первое время и совершал богослужения; затем болезнь взяла свое и владыка слег в постель. Несколько оправившись, он снова приступил к исполнению своих обязанностей, но вскоре вынужден был испросить себе отпуск для лечения. Болезнь усиливалась и, чувствуя приближение смерти, владыка Иустин ежедневно приобщался Св. Христовых Таин.

Так продолжалось до 10 ч. утра Великого Вторника, когда Преосвященный Иустин отошел в вечность.

Архиепископ Горьковский и Арзамасский Корнилий, которому было поручено временное управление Казанской епархией, в тот же день отправился из г. Горького в Казань, чтобы навестить болящего епископа Иустина, но в живых его уже не застал.

Отслужив по усопшем панихиду, архиепископ Корнилий распорядился перенести его тело из архиерейских покоев в кладбищенскую



ЕПИСКОП ИУСТИН

церковь. Парастас был совершен при участии всего казанского духовенства.

Погребение епископа Иустина состоялось в Великий Четверг. За Божественной литургией, совершенной архиепископом Корнилием в сослужении казанского духовенства, слово, посвященное памяти усопшего, произнес прот. А. Романовский.

После литургии было совершено отпевание и тело епископа Иустина предано земле с левой стороны главного алтаря кладбищенской церкви.

Вечная память кроткому и смиренному епископу Иустину!

Прот. А. Романовский

ПРОФЕССОР А. И. САГАРДА

(Некролог)

9 мая 1950 г. Ленинградская Духовная Академия осиротела: в 6 часов утра после продолжительной болезни почил старейший профессор Академии Александр Иванович Сагарда, занимавший две академических кафедры — Истории Древней Церкви и Патрологии.

А. И. Сагарда родился в гор. Золотоноше, Полтавской области, 15 декабря 1883 г., в бедной и многодетной семье псаломщика.

За детскими годами «обычной чредой» потекли годы учения в Переяславском Духовном Училище и в Полтавской Духовной Семинарии, по окончании которой Александр Иванович состоял некоторое время учителем мужской прогимназии гор. Золотоноши. В 1905 г. он поступил в Петербургскую Духовную Академию, которую окончил в 1909 г. первым с ученою степенью кандидата богословия.

Его сочинение на степень кандидата богословия о св. Клименте Александрийском получило высокую оценку профессора-рецензента и было удостоено высшей денежной премии, присуждаемой за лучшие кандидатские сочинения студентов.

Для дальнейшей научной работы А. И. Сагарда выбрал Историю Древней Церкви и древнехристианской литературы.

Естественно, что по окончании курса Академии Александр Иванович, как один из двух лучших студентов, был оставлен профессорским стипендиатом при кафедре Истории Древней Церкви, у проф. А. И. Бриллиантова. У него Александр Иванович начал свои научные занятия по истории раннего христианства еще студентом II курса Академии.

По окончании стипендиатского года, Совет Академии, заслушав предложение проф. А. И. Бриллиантова и проф. Н. Н. Глубоковского, избрал Александра Ивановича и. д. доцента на вновь открывшуюся вторую кафедру патрологии (на первой кафедре профессором был Н. И. Сагарда). Так началась учено-педагогическая деятельность Александра Ивановича в родной ему Петербургской (а с 1914 г. «Петроградской») Академии.

Он проработал доцентом Академии около 8 лет. Это был период его особенно напряженной учено-преподавательской и журнально-публицистической деятельности.

За это время Александр Иванович прочитал курсы по истории александрийской церковной школы, по истории антиохийской церковной школы, специальный курс об иконоборческих спорах, специальный курс о христианских писателях — моралистах. На семинарах студенты под его руководством прорабатывали письма Иоанна Златоуста, Церковную Историю Феодорита Кипрского, сочинения Исаака Сирина, Амвросия Медиоланского, Августина Иппонского и Иоанна Дамаскина.



ПРОФ. А. И. САГАРДА

Одновременно с регулярной преподавательской работой А. И. Сагарда неустанно трудился над своим главным научным трудом — о св. Клименте Александрийском.

В 1913 г. Александр Иванович представил в Совет Академии на соискание степени магистра богословия свой труд «Св. Климент Александрийский и его литературная деятельность», который был признан достойным опубликования.

Наряду со своей основной профессорской работой А. И. Сагарда сотрудничал в богословских и церковно-общественных изданиях и журналах. Его статьи, всегда серьезные и содержательные, появлялись в «Христианском Чтении», в «Церковном Вестнике», в «Церковных Ведомостях», в «Православно-Богословской энциклопедии» и в других современных изданиях.

С 1 февраля 1948 г. А. И. Сагарда вновь вернулся к профессорской деятельности в родной ему Ленинградской Академии, одновременно состоя и преподавателем Ленинградской Духовной Семинарии.

Александр Иванович проработал здесь всего два года, но работал он с исключительной энергией. За это время он успел составить курс лекций по Свящ. Писанию Нового Завета (о Евангелиях), два курса по патрологии и приступил к переработке курса проф. В. В. Болотова по Истории Древней Церкви.

Но первый же год напряженной работы в Академии резко ухудшил состояние здоровья А. И. Сагарды. Силы его заметно падали.

Он вскоре простудился и под новый (1950) год слег в постель. Прикованный к кровати, Александр Иванович все же продолжал, несмотря на все запрещения, свою обычную работу по составлению и корректированию лекций, по приему зачетов и экзаменов от студентов и интересовался всеми мелочами академическо-семинарской жизни.

Так продолжалось до 20 апреля. В этот день, вследствие кровоизлияния в мозг, Александра Ивановича постиг паралич, а 9 мая в 6 часов утра не стало биться сердце А. И. Сагарды. Из среды ученого братства Академии выбыл старейший и авторитетный профессор, такой непримиримый и пламенно-бурный в защите интересов русской богословской науки — и такой жизнерадостный в обыденной товарищеской обстановке. От учащихся ушел не только замечательный педагог и руководитель, но и их искренний друг...

Академия и Семинария торжественно проводили своего любимого и уважаемого профессора. На отпевании многочисленный сонм духовенства возглавлял Высокопреосвященный Григорий, Митрополит Ленинградский и Новгородский, который, провожая в последний путь академического наставника, сказал в своей речи:

«Скорбит Академия, потеряв одного из лучших своих профессоров. Скорбит вместе с нею и Святейший Патриарх, просивший меня передать его сердечное соболезнование и Академии и семье почившего, понесшей эту тяжелую утрату. Скорбит и богословская наука, лишившись одного из своих преданных и серьезных исследователей.

Почивший был живой непосредственной связью между прежней Петербургской и нынешней возрожденной Ленинградской Духовной Академией. Он принес в Академию свои первые молодые богатые, талантливые силы; он принес ей и обогащенные громадным опытом свои последние силы.

Он пришел в нашу Академию с огромным запасом церковно-исторического знания и опыта; пришел с унаследованным от корифеев нашей богословской науки широким и твердым взглядом на явления двухтысячелетней истории жизни Святой Церкви.

Церковно-историческая наука должна быть неперменной основой высшего богословского образования, и в этом отношении почивший являлся поистине «столпом и утверждением» нашей молодой Академии, авторитетным представителем в ней церковно-исторического знания.

С любовью, самоотверженно он нес на служение Церкви свои уже надломленные силы; щедрой рукой сеял семена церковно-исторического знания, прочно закладывая основы ее в умах своих учеников.

Он был строг в своих требованиях к научным трудам своих учеников. Но эта строгость исходила из его любви к науке, из глубокого благоговейного преклонения пред ней.

Сам горячий и беззаветный труженик науки, Александр Иванович оставил всем нам, работникам духовной школы, завет такого же всецелого, проникновенного, любовного, строгого отношения к науке, а для своих питомцев он должен навсегда быть маяком, светочем на дальнейшем пути их богословского образования.

Пусть же благодарная память о нем, его высокий светлый образ будет постоянно жить в наших сердцах, а наши молитвы о нем от всего сердца пусть сопутствуют ему на пути к Престолу Вечной Истины.

Верный раб, не зарывший, а во много раз умноживший данный ему от Господа талант, — верим — услышит этот Отеческий глас: «Добрый рабе, благий и верный, вниди в радость Господа Твоего!» Аминь».

Похоронили Александра Ивановича на Больше-Охтенском кладбище г. Ленинграда.

А. И. Сагарда оставил по себе значительное литературное наследство. Кроме его магистерской диссертации о св. Клименте Александрийском, так и не увидевшей света, заслуживают упоминания следующие его печатные работы: 1) «Феодор Студит. Малое оглашение». Перевод с греческого. 2) «Феодор Студит. Письма к разным лицам». Перевод с греческого. 3) Обширная статья о св. Клименте Александрийском в Православно-Богословской энциклопедии. 4) «Иоанн Дамаскин. Его жизнь, учение и литературная деятельность». 5) «Иоанн Дамаскин. Источник знания». Перевод с греческого.

В «Христианском Чтении» были напечатаны такие статьи: 1) Обширный отзыв о переводе проф. Гидуляновым книги: «Фр. Кс. Функ. История Христианской Церкви от времен апостольских до наших дней». 2) «Климент Александрийский. Ипотипосы». Перевод с латинского. 3) «Климент Александрийский. Избранные места из пророческих книг». Перевод с греческого. 4) Отзыв о сочинении проф. А. Гарнака о Макарии Магнесийском. 5) Отзыв о сочинении проф. А. Гарнака о Диодоре Тарском. 6) «Проф. Бёркит. Лекции по истории христианства в Сирии». Перевод с английского. 7) «Пресвитеры Климента Александрийского». Очерк из истории раннего христианства.

В «Церковных Ведомостях» помещены следующие статьи: 1) «Миланский эдикт». Церковно-исторический очерк. 2) «Учение церковных писателей о Filioque». 3) Ряд очерков по вопросам церковной жизни на Западе Европы. 4) Очерки о мученических актах Поликарпа Смирнского, о мученических актах Варвары и каноне Андрея Критского. 5) О литературной деятельности проф. Н. Н. Глубоковского. 6) Очерк о Московской Духовной Академии.

Затем следует ряд библиографических заметок в «Церковном Вестнике» и «Церковных Ведомостях».

И, наконец, в «Журнале Московской Патриархии» за 1949 г. была напечатана актовая речь проф. А. И. Сагарды на тему: «Место устной традиции в истории развития древнецерковной мысли».

Последнее сочинение Александра Ивановича было поистине его «лебединой песней». В нем он дал не только глубокое обоснование и блестящую защиту устного предания как одного из источников христианской веры, в чистоте хранимого Русской Православной Церковью. В своей последней речи А. И. Сагарда высказал и свое личное исповедание веры как православный богослов, для которого бескорыстное и благоговейное служение научной истине оправдывалось тем, что объективная научная истина есть излучение вечной Истины Христовой. Научному служению ей он отдал лучшие годы своей жизни, а страстным напряжением в работе, особенно в последнее время, доказал, что свою жизнь он подчинял основному правилу христианской этики — самоотвержению. Отдаваясь православной богословской науке, Александр Иванович всегда имел примером своих академических профессоров, истинных и скромных подвижников науки. Естественно, что и сам Александр Иванович был среди преподавательской корпорации восставленной Академии самым сведущим и верным хранителем академических преданий, которыми он всегда делился с величайшей готовностью.

Пусть же среди всех нас — преподавателей, учащихся, священнослужителей — никогда не умолкнет «устная традиция» о достойном представителе православной богословской науки, доказавшем и трудами своими и всею своею жизнью верность христианским идеалам и горячую любовь к Православной Церкви и Родине!

Доцент А. Макаровский

ПРИБЫТИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ БОЛГАРСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

В субботу, 6 мая, в Москву прибыли новые представители Болгарской Православной Церкви — архимандрит Максим и священник Иоанн Караджов, командированные Святейшим Синодом Болгарской Церкви для служения в Успенском храме Болгарского подворья. В сопровождении сотрудников Московской Патриархии они с аэродрома проследовали в приготовленную для них гостиницу, а на другой день осматривали Москву и ее достопримечательности.

В понедельник, 8 мая, архимандрит Максим и священник Иоанн Караджов были приняты Святейшим Патриархом Алексием. На приеме присутствовали Митрополит Крутицкий и Коломенский Николай и Управляющий делами Московской Патриархии протопресвитер Н. Ф. Колчицкий.

Приветствуя Святейшего Патриарха, архимандрит Максим сказал: «Ваше Святейшество! На меня выпала высокая честь получить назначение от Святейшего Синода нашей Болгарской Православной Церкви возглавлять Болгарское подворье в Москве, которое Вы благоволили нам предоставить. Я и мой помощник, священник Иоанн Караджов, чувствуем себя счастливыми, что имеем возможность жить в исторической белокаменной Москве и быть в ближайшем общении с великой Русскою Православною Церковью, которая и в прошлом давала и в настоящее время дает высокие примеры благочестия, которая всегда боролась за чистоту Православия и теперь является несокрушимым оплотом Православия против всех козней Ватикана и протестантизма.

Нам предстоит учиться у Вас. Ваш богатый опыт, духовно-просветительное дело Русской Церкви, ее монастыри — эти очаги благочестия, доблестный, трудолюбивый и миролюбивый русский народ — все это будет для нас предметом внимательного и сердечного наблюдения и подражания, дабы мы могли еще больше полюбить и без того любимый нами Русский народ, в котором мы видим своего освободителя, и — насколько нам, смиренным служителям Господа Бога, это будет возможно, — укрепить еще больше дружеские связи между великой Русской и Болгарской Православными Церквями.

Мы просим Ваше Святейшество быть нам отцом, покровителем и руководителем в нашей скромной церковной деятельности и не отказывать нам в своем отеческом содействии.

• Наконец, позвольте передать Вам самые сердечные братские приветствия от Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященного Митрополита Паисия, Наместника — Председателя Святейшего Синода Болгарской Православной Церкви, и от всех остальных архиереев, которые молитвенно желают Вашему Святейшеству доброго здоровья, долголетия и всех благ на многие лета».

Выслушав речь архимандрита Максима, Святейший Патриарх Алексий беседовал с прибывшими и благословил их на служение в Москве.

После патриаршего приема архимандрит Максим и священник Иоанн Караджов отбыли, в сопровождении благочинного, протоиерея Павла Цветкова, в храм Болгарского подворья, где их встретил временно исполняющий обязанности настоятеля храма протоиерей Николай Михайлов, который ознакомил новоприбывших с местом их нового служения и представил им персонал подворья.

П. Х.

В ЗАЩИТУ МИРА

ОТВЕТ ПАТРИАРХА-КАТОЛИКОСА ВСЕХ АРМЯН ГЕОРГА VI НА ОБРАЩЕНИЕ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ

Ваше Святейшество, Святейший Предстоятель Русской Православной Церкви, возлюбленный о Господе собрат наш Патриарх Алексей!

С удовлетворением получили Вашего Святейшества послание от 24 марта 1950 г. с сопутствующим Обращением ко всем Предстоятелям Православных Церквей с призывом о совместных усилиях в пользу мира. Благодарим за Ваше внимательное и заботливое отношение.

Армянский народ в своем историческом прошлом был всегда миролюбивым, трудолюбивым и добивавшимся расцвета своей культуры. Армянская Церковь также, руководствуясь высокими принципами христианства, водила и воспитывала свою паству в идеях человеколюбия и миролюбия. Теми же принципами руководствуются сегодня Армянская Церковь и армянский народ.

По этой причине мы, верные учениям и традициям наших предков, направили в 1949 г. наш патриаршеский кондак Парижскому Конгрессу сторонников мира, объявляя Армянскую Церковь и армянский народ ревностным поборником мира.

Недавно в специальном послании мы заявили о решении Армянской Апостольской Церкви присоединиться к резолюциям Стокгольмской сессии Постоянного комитета сторонников мира. С данным посланием, мы уверены, Ваше Святейшество знакомо по газетам.

Вполне разделяя Ваши мысли и намерения, желаем Вашему Святейшеству долгих лет жизни для разрешения взятых на себя великих задач.

**Вашего Святейшества любящий во Христе брат Георг VI,
Верховный Патриарх-Католикос всех армян**

ЕДИНСТВО ХРИСТИАН В ЗАЩИТЕ МИРА

Перед страшным призраком войны человечество все более проникается тревогой за свою судьбу и все быстрее начинает преодолевать средостение языков, политических убеждений и религиозных различий, дабы придти к единству в борьбе за устранение смертельной опасности, нависшей над всем миром.

Созидая это единство, движение сторонников мира стремится превратить его в реальную силу сопротивления поджигателям войны и с этой целью призывает всех честных людей присоединиться к решениям Стокгольмской сессии Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира о запрещении атомного оружия и признании военным преступником того правительства, которое первым применит это оружие.

Эта мирная акция сторонников мира против сил войны имеет огромное значение, которое состоит, прежде всего, в том, что согласие или отказ подписать указанные решения позволяют выявить и разделить силы войны и силы мира. Когда это будет сделано, то в самом соотношении тех и других сил ясно определится победа мирного человечества над жалкой кучкой злостных сторонников войны.

Но эта победа еще не достигнута, и перед защитниками мира стоит грандиозная задача провести мировой референдум до конца и оправдать его результатами веру человечества в превосходство сил мира.

Казалось бы — при наличии полной уверенности в миролюбии народов — задача сбора подписей под Воззванием Стокгольмской сессии представляет лишь организационно-технические трудности. На самом же деле приходится считаться с тем, что движению сторонников мира противостоит широкая пропаганда его врагов, которые пытаются сделать все, чтобы представить это движение, как и решения Стокгольмской сессии, в ложном свете политических подозрений и прямой клеветы.

Сначала поджигатели войны как бы не замечали успехов Стокгольмского Воззвания и не хотели открыто признавать за ним силы общественного и тем более международного влияния. Но когда число людей, осуждающих атомную войну, стало неудержимо увеличиваться, враги мира пришли в раздражение и, наряду с преследованиями руководителей и активных сторонников мира, направили свою пропаганду к тому, чтобы преуменьшить значение Стокгольмских решений и ослабить веру простых людей в силу референдума. Называя его «коммунистической затеей», империалисты пытаются представить сторонников мира защитниками Советского Союза, которому, в свою очередь, приписывают самые «агрессивные» намерения.

Но сторонникам мира ясно, что не они защищают Советский Союз, а Советский Союз, вместе с ними, защищает мир, предлагая великим державам заключить пакт мира и запретить атомное оружие. К тому же

нравственная высота идеи международного мира и неодолимое стремление к нему со стороны людей самых различных политических и религиозных убеждений яснее всего свидетельствует о независимости движения сторонников мира от каких-либо партийных интересов.

Империалисты, конечно, учитывают моральную слабость своей позиции — позиции беспрерывно вооружающегося военного лагеря — и поэтому стараются оправдывать свои военные мероприятия исключительно целями обороны и поддержания мира, который, по их мнению, можно обеспечить лишь превосходством оружия.

Естественно, что миролюбивые народы воспринимают эту «оборонную» политику не иначе, как издевательское предложение наслаждаться спокойствием под дулами наведенных на них пушек и под «защитой» атомных бомб, висящих на волоске. Иначе и нельзя понять таких фактов, как развитие сверхскоростных методов производства атомных бомб, изготовление новой водородной сверхбомбы, подготовка бактериологического оружия и разжигание военной истерии.

В таких способах «защиты мира», как гонка вооружений, уже таится война. Из опыта хорошо известно, что «всеобщие и чрезвычайные вооружения, даже вызванные желанием предотвратить войну, в действительности только усиливают ее опасность». Поэтому со стороны подлинных защитников мира, со стороны всех миролюбивых народов нужны немедленные и решительные усилия к тому, чтобы заставить свои правительства перейти к политике международного сотрудничества и, прежде всего, согласиться на объявление вне закона атомного оружия, применение которого в современных условиях может дать победу только одной смерти. Очевидность этого вывода, вытекающего из страшного опыта Хиросимо и Нагасаки, должна послужить пробой благоразумия тех, кому вверены судьбы народов — иначе всеобщая катастрофа неминуемо разразится.

*
* *

В борьбе с опасностью атомной войны огромная ответственность ложится на христиан, которые по самому существу своей веры должны быть в первых рядах сторонников мира. И действительно, с самых первых шагов этого движения христиане всех исповеданий неизменно ему сопутствуют, помогая своими духовными средствами достигнуть желанной цели. Они и не могут занимать иной позиции в назревшем конфликте, не впадая в опасность измены делу Христа Спасителя. Не сомневаясь в том, что укрепление мира есть дело богоугодное, требуемое самым духом и учением христианской религии, епископы, священники и простые верующие люди различных христианских исповеданий с надеждой ставят свои подписи под Стокгольмским Воззванием о запрещении атомного оружия и зовут всех христиан последовать их примеру.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий, совместно с епископатом, клиром и верующими всех епархий Русской Православной Церкви, присоединился к решениям Стокгольмской сессии сторонников мира и призвал к тому же все другие Православные автокефальные Церкви. Осуждая атомное оружие, укрепляя лагерь сторонников мира, — сказал Митрополит Крутицкий и Коломенский Николай, — Русская Православная Церковь выполняет свой долг, долг религии, любви и мира, и она считает своей священной обязанностью призвать всех христиан к выполнению этого долга¹.

За осуждение атомной войны одна за другой высказались Грузинская, Болгарская, Румынская, Албанская и Польская Православные

¹ Митрополит Николай, Речь на заседании Советского комитета защиты мира 7 марта 1950 г. См. «Журнал Московской Патриархии» 1950 г., № 4, стр. 31.

Церкви. Всем известно отношение к делу мира Патриарха Антиохийского Александра III и других православных иерархов, присоединившихся вместе с верующими к лагерю мира. «Война порождается ненавистью, властолюбием и завистью,— пишет в своем послании верующим Митрополит Ливанский Илия Карам.— Мир никогда не испытывал недостатка в людях, совесть которых не может быть поражена этими смертельными недугами. Эти люди посвятили себя борьбе против войны, в защиту мира; они вступили в борьбу за Бога, ибо мир — это имя Божие... Поэтому мы должны сотрудничать с ними, присоединить свой голос к их голосу и всеми силами помогать им. Мы хотим, чтобы атомное оружие было безоговорочно запрещено, как оружие, предназначенное для уничтожения людей».

Вслед за известными представителями западных исповеданий, ставшими в ряды сторонников мира и осудившими атомное оружие, в лагерь мира с каждым днем вливаются епископы, священники и верующие протестантских исповеданий и католической Церкви, движимые убеждением в том, что защита мира является их прямым долгом. «Церкви должны занять подобающее им место в защите мира,— пишет лютеранский епископ в Венгрии монсиньор Лайош Вето,— и воспитывать верующих в духе его защиты, следуя словам Христа: «Творите мир». Вера без дел мертва. Агрессивная война является тягчайшим преступлением против Бога и человечества. Я призываю всех верующих оказать деятельную поддержку движению сторонников мира и прошу всех священников лютеранской церкви, всех протестантских пасторов и всех честных верующих оказать поддержку кампании сбора подписей под Стокгольмским воззванием»².

«В вопросе о защите справедливого дела мира,— пишет епископ Дребренский Янош Петер,— серьезная задача стоит перед церквями стран Западной Европы. Вселенский Совет церковей должен смело извлечь уроки из мужественной позиции, занятой сторонниками мира. Все говорит о том, что время еще не потеряно. Люди, твердо убежденные в необходимости борьбы за мир, развивают все большую активность; они намерены бороться против нависшей опасности войны, опередить ее и победить. Церкви непозволительно уклоняться от своей ответственности».

В обращении видных протестантских пасторов Франции говорится: «Если мы хотим сохранить верность Иисусу Христу, мы не можем оставаться безразличными в эти грозные времена. Сегодня мы должны безоговорочно одобрить все усилия, направленные на сохранение мира и могущие уже теперь привести к положительным результатам».

Мы считаем, что Стокгольмское Воззвание представляет собою чрезвычайно важный шаг в деле защиты мира, как с точки зрения масштабов его распространения, так и с точки зрения отклика на него самых различных слоев населения. Оно может оказаться ступенью к возобновлению переговоров и разрядить напряженное международное положение...

Мы убеждены, что наша преданность Христову Евангелию выдвинет перед нами завтра новые проблемы. А сегодня, отвечая по-христиански на этот призыв, мы обязуемся повседневно прилагать все усилия к тому, чтобы использовать малейшую возможность для укрепления мира и примирения людей между собой.

Вот почему, будучи христианами, мы подписываем Стокгольмское Воззвание»³.

Подписав осуждение атомного оружия, католические епископы Венгрии обратились к верующим с таким посланием: «Будучи последовате-

² «Сторонники мира» 1950 г., № 11, стр. 22.

³ «Сторонники мира» 1950 г., № 10, стр. 17.

лями и учениками Христа, проповедавшего мир, мы особенно осуждаем это смертоносное оружие, которое, в случае его применения, принесло бы смерть не только агрессорам, но и массам беззащитного населения».

Против применения атомного оружия высказались также кардиналы и архиепископы Франции. Они опубликовали для католиков «Письмо о мире», в котором пишут: «Вас, ваших священников, ваших епископов теперь настойчиво спрашивают, осуждаем ли мы применение атомного оружия. Этот вопрос оскорбляет и возмущает учеников Христа... Мы всей душой осуждаем применение таких видов оружия, точно так же, как мы, не задумываясь, осудили во время прошлой войны массовые бомбардировки, от которых страдали не только военные объекты, но и старики, женщины и дети. Мы убеждены, что человечество позорит разум, дарованный нам Господом Богом, обращая во зло науку, которая могла бы принести ему столько добра».

Мы умоляем государственных деятелей, на которых лежит сейчас колоссальная ответственность, не поддаваться омерзительному соблазну использовать это оружие разрушения и сделать все возможное, чтобы общими усилиями добиться полного запрещения его применения»⁴.

Выступая на Стокгольмской сессии Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира, католик Войцех Кетржинский сказал: «От христиан нужно потребовать, чтобы они спросили у своей совести ответа на вопрос: в какой степени они ответственны за развязывание возможной третьей мировой войны. Пусть каждый христианин, по зрелом размышлении, ответит, считает ли он себя вправе способствовать в нынешних условиях этому всемирному человекоубийству? Если нет, если его совесть запрещает ему это, то христианин должен, каковы бы ни были его политические и социальные взгляды, встать в ряды активных сторонников мира»⁵.

Другой католик, Марио Монтези, член Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира и видный представитель движения за мир среди христиан в Италии, пишет: «Я думаю, что для нас, христиан, поистине пришло время выдержать высшее испытание нашей веры и нашей моральной стойкости. предадим же огню — всеочищающему огню — весь груз наших разногласий, накопившийся за многие века, набор лживых слов, под которыми мы слишком часто прикрываем и хороним истину наших личных убеждений — двигатель и подлинную цель наших действий. А затем разгребем пепел и попытаемся найти в нем, если только там оно есть, то, что осталось подлинного от нашего христианского единения»⁶.

*

* *

Так христиане всех исповеданий противопоставляют свое единство в защите мира антихристианской политике развязывания третьей мировой войны. Если угроза этой войны сближает между собою людей самых различных политических и религиозных убеждений, то тем более она должна сблизить христиан, которые во всяком земном конфликте должны единодушно становиться на сторону добра и правды. Мир между людьми и народами, как наивысшее выражение добра и правды, «создает наилучшие условия для реализации, нравственных принципов и интеллектуальных способностей человека»⁷, «мир является наилучшим

⁴ «Сторонники мира» 1950 г., № 12, стр. 20.

⁵ «Сторонники мира» 1950 г., № 9, стр. 64.

⁶ Марио Монтези, Обретем мир; см. журнал «Сторонники мира» 1950 г., № 11, стр. 64.

⁷ Там же, стр. 62.

временем для приобретения людей Царству Божию»⁸. Поэтому защита мира должна стать не только общим делом христиан, но и основой дальнейшего их взаимопонимания и единения. На данной стадии нужно иметь в виду, конечно, не формальное единение Церквей, что людям и не под силу, а христианскую солидарность и единомыслие по решающим вопросам современной жизни.

Из таких вопросов современности требует христианской оценки не одна защита международного мира. С нею тесно связано и единое отношение к различным мерам укрепления мира, в частности, к запрещению атомной и бактериологической войны, к надежному контролю над производством атомной энергии, к всеобщему разоружению и строгому соблюдению принципов Организации Объединенных Наций.

Единой оценке со стороны христиан должна подвергнуться и «холодная война» и вопрос о мирном сосуществовании социалистической и капиталистической систем.

У христиан, конечно, не может быть двух мнений по поводу опасности и взаимного вреда «холодной войны», особенно в той форме прямых действий, которые весной этого года выразились в массовом сбрасывании с американских самолетов колорадского жука на поля Народно-Демократической германской республики.

Что касается сосуществования двух социально-экономических систем, то христиане, как последовательные борцы за мир, могут желать и несомненно желают, чтобы социальная правда выяснялась на путях мирного их соревнования, а не взаимного уничтожения. «Тот, кто верит в превосходство своей собственной системы,— сказал в своем докладе на Стокгольмской сессии генеральный секретарь Постоянного комитета Жанн Лаффит,— естественно, является человеком, стоящим за мир, так как ему не может придти в голову мысль навязать силой оружия то, что он, несомненно, получит по справедливости»⁹.

Значение христианского единства в защите мира простирается и на строительство церковной жизни — преддверия Царства Божия. Возникающая внутри человека, его семья прорастает и в отношениях между людьми и в исканиях социальной правды, вся суть которой состоит в бессознательном следовании требованиям нашей внутренней природы — природы христианской. Поэтому, с христианской точки зрения, борьба за мир и социальную справедливость составляет одно из важнейших звеньев в реализации Царства Божия.

Проповедуя мир и любовь, как высшую норму человеческой жизни, христианство обязывает верующих усердно работать на исторической ниве, быть верными сынами своей народности, содействовать нравственному и социальному прогрессу и таким образом исполнять свой жизненный урок в конкретной исторической обстановке, которая составляет для нас нравственную школу и мост, ведущий из времени в вечность.

Так, в согласном решении общих жизненных задач христиане могут и должны найти путь к тому единству, которое во всей полноте реализуется в Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви, возглавляемой Господом нашим Иисусом Христом.

А. Крашенинников

⁸ А. Крашенинников, Миссия христианства в современном мире — «Журнал Московской Патриархии» 1949 г., № 6, стр. 9.

⁹ «Сторонники мира» 1950 г., № 9, стр. 28.

речи, проповеди

Ц Е Л Ь

С л о в о, 

сказанное в Ильинской церкви села Черкизово г. Москвы

С чувством светлого духовного восторга встретили мы с вами, дорогие, ночь Святой Пасхи Христовой. Эта радость о Воскресшем Господе не знает границ и проявляет себя во все дни пасхальной четырехдесятницы в бесчисленных взаимных пасхальных приветствиях. Мы радуемся тому, что воскрес Господь Спаситель, что с Его Воскресением нет смерти ни для кого из нас, а есть жизнь вечная, в которую мы вступим, что Воскресший Господь всегда пребывает с нами и в нас.

Наступила вечерня первого дня Пасхи. Мы вспоминали о том, как Воскресший Господь явился Своим ученикам в первый день при закрытых, «страха ради иудейска», дверях. Он вошел и обратился к ученикам со словами: «Мир вам!». И возрадовались ученики, увидев Господа,— говорит святой евангелист. О радости видеть Господа своего, Ему поклоняться, слышать из Его уст Божественные слова приветствия говорил нам этот пасхальный вечер.

Прошла в праздничных ликованиях Светлая неделя. В восьмой день по Воскресении Христовом мы прославляли явление Воскресшего Спасителя ученикам уже при апостоле Фоме. С волнением сердца слухом своей веры мы внимали исповеданию веры апостолом Фомой: «Господь мой и Бог мой!». В эти слова апостол Фома вложил не только всю свою веру в Воскресшего Господа, не только всю свою сыновнюю любовь к Божественному Учителю, но и всю свою радость увидеть Господа своего Воскресшего и опять быть с Ним, как пребывали с Ним ученики до Его страданий.

Еще прошла неделя. В следующее воскресенье, посвященное памяти святых жен-мироносиц, мы восхваляли их подвиг, какой они понесли в ночь Воскресения Христова, когда, под покровом этой ночи, презирая все страхи, торопились по улицам Иерусалима с ароматами в руках к дорогому гробу Господнему с целью возлить на тело Иисусово благовонное миро. Преклоняясь перед подвигом святых мироносиц, мы представляли себе духом, как Воскресший Спаситель явился им на пути от гроба, как возрадовались их сердца, как они бросились к ногам Спасителя, чтобы прикоснуться устами к пречистым Его стопам, и как услышали от Него: «Радуйтесь!» — то слово, от которого еще большим пламенем возгорелась в их сердцах радость о том, что Господь с ними.

Итак, все, что пережито нами, что вспоминается и прославляется нами в эти три воскресенья, говорит о радости видеть Господа, Ему поклоняться, Его любить, в Него веровать всей своей душой. Эта радость о Господе, радость жить с Ним — вечная, ибо, начинаясь здесь, она не окончится никогда. Кто эту радость здесь нашел в своем сердце или

найдет,— с тем она уйдет в вечную жизнь и там, у Господа, в Его нетленном и нерукотворенном Небесном Доме, она будет источником вечного нашего счастья.

Вот о том и хочется напомнить всем вам, дорогие мои, что эта радость доступна каждому из нас. Господь Спаситель сказал: «Пребудьте во Мне, и Я в вас» (Ио. 15, 4). В этом вся сущность христианства, в этом цель и крещения нашего, в этом цель всей нашей жизни: соединиться с Господом навеки, пребывать в Нем, чтобы и Он, по Его Божественному обещанию, всегда пребывал в нас со всеми дарами Своей милости, Своей благодати, Своей любви.

Быть с Господом, дорогие мои, это значит сочетаться с Ним крепкой верой в Него, как нашего Спасителя и Небесного Отца, как Праведного Судию, Который всем нам воздаст, каждому по деяниям его, у Себя, в Своем Небесном Царстве.

«Пребывание» в Господе требует от нас того, чтобы мы соединились с Ним крепкой как смерть, никогда не увядающей любовью, любили Его безгранично преданной любовью больше всего в этом мире, так чтобы никто и ничто не умаляло и не затемняло этой любви сыновнего сердца к нашему Спасителю.

Единение с Господом — это не колеблющаяся уверенность в том, что, если мы за Господом идем, если с Ним мы будем жить до конца дней и с Ним будем уходить из этого грешного мира, Он не оттолкнет нас в Своем Вечном Царстве согласно Своему слову: «Приходящего ко Мне не изгоню вон» (Ио. 6, 37). Это — не сомневающаяся, твердая как скала, надежда на то, что Господь, верный каждому Своему слову, исполнит Свое обещание, оставленное верующим во имя Его: «Где Я, там и слуга Мой будет» (Ио. 12, 26), и мы будем с Ним в той жизни, куда Он нас зовет.

Жизнь с Господом — это подражание Ему всеми силами своей души; стремление быть смиренным, как был смиренен Он; терпеть, как терпел Он; любить, как любил Он; сострадать, как Он сострадал в дни Своей земной жизни; чувствовать и желать, как чувствовал и желал Он.

«Быть в Нем» — значит все силы, все свои чувства: зрение, слух, язык, руки — все это посвятить служению Ему и служению своему ближнему, все это отдать в волю Божию, чтобы она, воля Божия, а не наша грешная, себялюбивая, всегда ко греху наклонная, господствовала в нашем сердце, чтобы Господь был Хозяином наших мыслей, наших чувств, наших поступков, чтобы Он Сам управлял нашей жизнью и вел по всем шагам нашего земного пути. И для этого, — говорил св. Иоанн Златоуст, — надо жить так, чтобы перед каждым шагом своей жизни, перед каждым решением, каждым соблазном — в глубине своего сердца приучать себя спрашивать: что сказал бы, что посоветовал бы в эти минуты мой Господь Спаситель? О таком пребывании в Господе говорит св. апостол Павел: «Уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2, 20).

В этом, как мы и сказали, дорогие мои, — цель всей нашей жизни земной: сколь возможно и доступно слабому и немощному духу человеческому, слиться, соединиться с Богом, Им жить, Им дышать.

И вот, кто так живет с Господом, тот счастлив. Его счастье подобно состоянию души апостола Фомы, исповедавшего Господа в восьмой день по Воскресении Христовом, подобно радости жен-мироносиц в тот час, когда они увидели Воскресшего Господа.

Если не живет Бог в сердце человека, если нет в сердце этого небесного сокровища веры, то как бы ни были мы украшены земным благополучием, всяческим достатком и здоровьем, мы не найдем для своей души того счастья, которого никто, кроме Бога, не может дать душе, вложенной Богом в каждого из нас и призванной для вечной жизни. Чем, какими богатствами человек, не имеющий Господа в сердце, мо-

жет откупиться от угрызений совести, когда она заговорит в нем? Чем он, если не живет с Господом и не умеет любить Его, может приобрести тот внутренний мир, ту духовную опору, стоя на которой человек имеет силы перенести любое жизненное испытание? Бывают и будут у такого человека минуты своего, как ему кажется, прочного земного счастья: и здоровье его не покинет, и недостатков у него хватит, и все остальное земное сложится в его пользу, и кто-нибудь уже готов будет сказать своей душе, как евангельский безумный богач: «Душа, много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись». Но пронесутся эти минуты, эти часы, эти дни, кажущиеся благополучием и земным счастьем, как пронесется облако на голубом небе, и опять заточит в глубине духа неумирающий червь неудовлетворенности земной жизнью. Это томление и тоска, влекущие дух человека к своему Источнику, к своему Небесному Отцу, часто остаются непонятыми человеком, в сердце которого нет Господа.

Посмотрите теперь на того, кто живет с Господом. Если он окружен благополучием, он принимает все это от руки Божией, все это наполняет его сердце благоговейным умилением, еще больше умножает и воспламеняет в нем сыновнюю благодарную любовь к Богу. Он ни к чему земному, вещественному не привязывается, не забывая о том, что и он, как все люди, смертен и идет к вечной жизни. Он не плачет беспросветными слезами, если Господь лишает его этого земного счастья. Если у него есть недостаток, он торопится поделиться с тем, у кого его нет, кто ищет у него помощи, и, во имя своей любви к Богу, утирает слезы плачущего, утешает скорбящего. Он знает, что все, что он подает ближнему, он «дает взаймы Господу» (Притч. 19, 17), и Господь воздаст ему отеческим воздаянием за каждое доброе движение, добрый порыв его души.

Никакие лишения, никакие испытания, болезни или скорби не лишают человека этого счастья жить с Господом и в Нем находить для себя утешение при жизненных ударах. Вера воодушевляет его чувство любви к Господу и укрепляет его среди страданий. Лишится такой человек земного имущества: сгорит ли оно, украдут ли его,— он скажет вместе с праведным многострадальным Иовом: «Наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!» (Иова 1, 21). Злоба ли, насмешки или клевета преследуют того, кто носит в сердце Господа,— он скажет, как говорил св. апостол Павел: «Злословят нас, мы благословляем; гонят нас, мы терпим; хулят нас, мы молим» (1 Кор. 4, 12—13). Переживая страдания, мы, верующие, знаем, что в этом подражаем Господу, сострадаем Ему, Который за нас перенес такие муки, по сравнению с которыми наши земные страдания — ничто. Мы вдохновляемся и укрепляемся силой своего общения с Господом Воскресшим, Вознесшимся на Небо, открывшим нам двери Царства Небесного и обещавшим пребывать с нами во все дни до скончания века.

А для человека, который живет с своими нераскаянными грехами, не ищет общения с Богом, испытания и страдания земные являются источником уныния, отчаяния, озлобления, ропота. Ему неоткуда найти сил переносить жизненные лишения; ни мир, ни люди не дадут ему для этого внутренней опоры. Эти силы духа переживать жизненные испытания дает только Тот, в Кого мы веруем, за Кем идем и умереть с Которым в своем сердце является горячим, пламенным желанием каждого истинно верующего православного сердца.

Вот и подойдет и страшный час смерти. Если он наступит не внезапно, но среди полного нашего сознания и мы будем понимать, что приближаемся к таинственному порогу смерти, за которым нас ожидает жизнь вечная,— что в эти минуты, в эти часы переживет нераскаянный

грешник, не живший с Господом в своем сердце? Обращиваясь назад, он вспоминает в своей кончающейся жизни только свои грехопадения, своих сообщников в грехах. Посмотрев вокруг себя, он видит, что все, к чему принадлежало его сердце, исчезает как дым в его потухающих очах; а его тело, **которое он хлил и любил**, которому оказывал так много внимания, уже готовится стать безжизненным трупом. Заглянет ли он в будущее, хотя бы и не представляя себе его ясно своим сердцем, — он увидит там, в наступающей вечной жизни, Праведного Судью, Который воздаст и ему, как и каждому из нас, по деяниям его. Тяжко умирать грешнику. Потому и говорит пророк Божий: «Смерть грешников люта» (Псал. 33, 22).

Умирает и человек, который не порывал в своей жизни общения с Господом, умирает веруя. Позади, в уходящей жизни, у него — слезы, какие он проливал, омывая свою грешную душу, искупая ее в содеянных грехах. И он ободряется надеждой на то, что слезное покаяние, какое он не раз приносил в своей земной жизни, Господь примет как благоухающую жертву его верующего сердца. В прошлом у него — побежденные им соблазны, от которых он сохранил себя. Он видит свои добрые дела, какие он спешил совершить в своей земной жизни, чтобы они пошли впереди его в вечную жизнь. Он умирает, но его утешают те евангельские обетования, о каких он напоминает своему сердцу, обещания Божии о том, что верный Господу до смерти получит венец жизни вечной. Он принимает напутственные таинства Святой Церкви, и очищается и омывается от последних греховных пятен его душа, готовящаяся перейти в жизнь будущего века. Своим верующим сердцем, своими верующими очами он взирает туда, впереди себя, и видит там страну вечного блаженства, в ней — Преблагословенную свою Заступницу, Которой молился в дни своей земной жизни и Которая, верует он, придет к нему в этот страшный час, чтобы облегчить переход души в вечную жизнь. В этот последний страшный час его вера и любовь к Богу умаляют страх созерцанием того вечного счастья, какое откроется перед каждым верным рабом Божиим, когда скажет Небесный Отец там, у Себя, встречая во вратах Вечного Царства: «Рабе благий и верный, вниди в радость Господа твоего» (Мф. 25, 21).

Вот, дорогие мои, так жить и так умереть — не только доступно каждому из нас, но в этом — цель земной жизни. Надо жить с Господом в сердце, идти за Ним своей верой, своей любовью, повиноваться Его отеческому голосу, в течение всей жизни земной искать наибольшего общения и единения с Ним в молитве, покаянии, добрых делах, через слово Божие, через достойное причащение Святых Таин Христовых, через достойное приготовление себя к встрече праздников Божиих и, особенно, святой Пасхи Христовой, радость которой есть предощущение вечной радости.

В Великий Четверг, после чтения двенадцати евангелий, православные люди уносят из храма огонь своей свечи, стараясь оберечь его от ветра по дороге, и, принеся его домой, возжигают от него неугасимую лампаду в своем молитвенном уголке. С какой же тщательностью надо беречь нам огонек пасхальной радости, зажженный в сердце каждого из нас в недавно нами встреченную и пережитую пасхальную ночь! Эти пасхальные переживания верующей души, живое ощущение особенной близости к нам Воскресшего Спасителя в эти святые дни вдохновляют нас еще крепче верить, еще горячее любить своего Сладчайшего Господа!

Пусть огонек радости о Воскресшем Господе каждый из нас донесет до следующей Пасхи, если Господь удостоит нас радостью пожить еще один год, и от Пасхи до Пасхи пусть несет эту радость до конца своих дней, когда мы перейдем бессмертной душой в ту страну, где

всеми ангелами Божиими и душами праведных, во главе с Преподобно-словенною Матерью, справляется вечная Пасха Христова.

Жить с Господом — в этом наша жизнь, в этом наше вечное спасение, наше счастье и в короткой жизни земной, и счастье вечное в Доме Сладчайшего Господа, Воскресшего из мертвых.

Митрополит Николай

С П А П Б И

О ПАСТЫРСКОМ БЛАГОВЕСТВОВАНИИ

Ибо Христос послал меня не крестить, а благовествовать, не в премудрости слова, чтобы не упразднить Креста Христова (1. Кор. 1, 17).

Каждый пастырь Церкви поставляется Господом для совершения богослужений, таинств и других церковных обрядов, а также для благовествования.

В словах ап. Павла указывается, что Господь посылает Своих избранных не только крестить, но и благовествовать, следовательно, благовествование является особой обязанностью пастырского звания, которую в послании к Римлянам (15, 16) апостол называет «священнодействием».

Здесь — особый труд, особая ответственность. «Тот, кто поставлен к домостроительству слова, — пишет св. Василий Великий, — если вознедрит о том, чтобы возвещать слово, будет, по написанному, осужден, как убийца»¹. «Учитель должен, так сказать, сеять ежедневно, — учит св. Иоанн Златоуст, — чтобы слово учения, по крайней мере, непрерывностью своею могло укрепиться в слушателях»². Святые Отцы VI Вселенского Собора требуют (прав. 19) от пастырей-благовестников глубокого знакомства с мыслями и словами святых учителей церковных, чтобы не от себя они говорили, а вдумывались в мудрые изречения святых толковников слова Божия.

Ясно, что благовествование есть средство, данное пастырям для ведения своих духовных детей по пути к Царству Небесному. Поэтому каждое слово благовествования должно быть глубоко продумано, проверено и только тогда предложено слушателям. «Надо самому с собою обдумывать, что будешь говорить, а потом уже пускать слово в народ»³, — пишет св. Василий Великий св. Григорию Богослову. — «Любомудрствовать в Боге, — читаем мы у св. Григория Богослова — можно не всякому... Это приобретается не дешево и не пресмыкающимися по земле! Должно знать, когда, пред кем, и сколько. Любомудрствовать о Боге можно не всем, потому что способны к сему люди, испытавшие себя, которые провели жизнь в созерцании, а прежде всего очистили, по крайней мере, очищают и душу и тело... Когда же можно? Когда бываем свободны от внешней истины (не порабощаемся плоти) и мятежа, когда ум наш не сливается с негодными блуждающими образами... Пред кем же можно? Пред теми, которые занимаются сим тщательно, а не наряду с прочим толкуют с удовольствием и об этом, после конских ристалищ, зрелищ и песней... О чем же должно любомудрствовать и

¹ Василий Великий, Творения, ч. V, М. 1858, стр. 235.

² Иоанн Златоуст, Творения, т. I, стр. 461.

³ Василий Великий, Творения, ч. VI. Сергиев Посад, 1892 г., стр. 12.

в какой мере? О том, что доступно для нас и в такой мере, до какой простираются состояние и способность разума в слушателе...⁴

Таким образом, для доброго благовествования нужно воспитать в себе глубокое благоговение к слову Божию, высокую духовную настроенность и мудрое различение — пред кем, когда и что говорить, ибо это не внешнее ораторствование, а «священнодействие».

Высказанные мысли и мудрые советы всех названных Отцов и учителей Церкви для пастырей глубоко поучительны. Мы призваны возрождать духовных детей не мирским словом, а словом Божиим. «Я передал им (ученикам) слово Твое, — говорит Отцу Своему наш Спаситель, — и мир возненавидел их, потому что они не от мира, как и Я не от мира» (Ио. 17, 14). А словом Божиим мы будем возрождать своих детей только тогда, когда будем хранить в себе благодатное помазание, которое «учит всему» (1 Иоан. 2, 27). Насыщенное такими духовными богатствами пастырское благовествование станет силой, способной вести людей в Царство Небесное.

Много мудрых советов пастырю-благовестнику находим мы у святителя Ростовского Димитрия в его «Слове о пастырстве». «Дам вам, — сказал Господь, — пастыри по сердцу Моему, и упасут вас разумом и учением» (Иерем. 3, 15). Внемлем, — пишет Святитель, — каких пастырей Бог желает видеть у словесных овец Своих: разумных и учительных... Ибо как может вразумить неразумного, если сам будет неразумен?... Как может быть учительным, если сам не учен, не знает силы Святого Писания? Как наставит заблуждающегося, если сам не знает пути, куда идет?... Да будет ведомо нам, что всякий пастырствующий над людьми Божиими, хотя должен быть украшен многими добрыми делами и духовными дарованиями, однако, прежде всего, он должен приобрести... учительный разум, ибо Бог говорит в пророческом Писании: «Устне иереовы сохраняют разум, и закона взыщут от уст его» (Малах. 2, 7). Дарование учительного... разума должно быть хранимо в устах пастырских, как некое пребогатое сокровище, чтобы ему быть премудрым в учении, в наставлении, увещании и обличении непокорных... Не имеющий же духа премудрости... и не сохраняющий в устах своих разума не достоин пастырского сана»⁵.

Так в наставлениях наших мудрых учителей раскрывается глубокий смысл слов ап. Павла: «Христос послал меня не крестить, а благовествовать». Это значит, что если священник не проповедует, то он не выполняет одной из самых великих своих обязанностей. Поэтому он должен всеми силами развивать в себе дар благовествования. Этот дар слова не дается от природы, а его надо развивать чрез постоянное чтение слова Божия, чрез молитву и внимательное отношение к духовным нуждам своих пасомых. Тогда у пастыря разовьется желание учить своих пасомых, благовествовать, не взирая на слабость своего языка.

Далее ап. Павел говорит, что Бог послал его благовествовать «не в премудрости слова, чтобы не упразднить Креста Христова». Это значит, что пастырь в своем благовествовании всецело должен забыть о себе и помнить, что не его слова совершают возрождение людей, а Божия благодать; пусть он не приписывает себе того, что принадлежит только Богу: «чтобы не упразднить Креста Христова». — «Апостолы, — говорит св. Иоанн Златоуст, — не были из мудрецов не по недостатку дарований, но, чтобы проповедь не потерпела вреда..., нужно было, чтобы самые первые сеятели слова были неученые»⁶, т. е., чтобы

⁴ Григорий Богослов, Творения, т. I, изд. Сойкина, О Богословии, стр. 386—387.

⁵ Димитрий Ростовский, Творения, изд. Сойкина, 1910 г., т. I, стр. 926—927.

⁶ Иоанн Златоуст, Творения, т. X, стр. 25.

сила Креста Христова, с проповедью которой и вышли во всю вселенную галилейские рыбаки, проявилась по всей земле.

Не отвергает Господь и ученых благовестников, но только хочет, чтобы благовестники Его Евангелия видели силу проповеди не в образованности и красноречии, а в Божественной помощи. «Слово мое и проповедь моя, — пишет св. ап. Павел, — не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы, чтобы вера ваша утверждалась не на мудрости человеческой, но на силе Божией» (1 Кор. 2, 4—5). У св. Иоанна Златоуста находится много указаний на вред, происходящий тогда, когда проповедники стараются об особой внешней обработке своих назиданий. «Многие, — говорил он однажды, — много делают для того, чтобы... говорить prodолжительно: если они удостоятся рукоплесканий от народа, то бывает с ними то же, как бы получили они царство, если же окончание их речи сопровождается молчанием, то молчаливое уныние бывает для них мучительней геены». Указав далее на пример отца, который больного сына угощает не горькими врачебными средствами, но вредными для здоровья сладостями, св. Златоуст замечает: «То же бывает и с нами, когда мы заботимся о красоте выражений, о составе и благозвучии речи, чтобы доставить удовольствие, а не принести пользу, чтобы возбудить удивление, а не научить, чтобы усладить, а не обличить, чтобы получить рукоплескания и отойти с похвалами, а не исправить нравы»⁷.

Но и при добром благовествовании у священника могут появляться мысли об оставлении им или уменьшении своей ревности, когда он видит, что его не слушают, грубо нарушают заповеди Божии и не отстают от пороков. В таких случаях не надо унывать, ибо «успех проповеди, — пишет св. Иоанн Златоуст, — зависит не от апостолов, но от благодати, им предшествующей. Их дело было обходить и проповедывать, но убеждение производил Бог, действующий в них»⁸. «Если не убедишь сегодня, — говорит он же, — убедишь завтра... Если не убедишь всех, то, может быть, из многих — некоторых. Ведь апостолы убедили не всех, но ко всем простирали свое слово и получили награду»⁹.

Иные священники находят препятствие для благовествования в слабости своих физических сил. Но всем известно, что некоторые наши великие вселенские светильники не были мощными физически, не обладали сильными голосами, однако, в этих своих немощах совершили то великое, за что славит их Господь и вся вселенная.

Св. Иоанн Златоуст часто подвергался всяким немощам и по болезни иногда прерывал свою работу, но и в полуболезненном своем состоянии он вступил на кафедру и благовествовал: «Хотя болезнь телесная и побуждала меня остаться в селе и пользоваться целительным для плотского здоровья воздухом, — говорит святитель в первой своей беседе о покаянии, — но сила любви вашей не позволила этого и заставила меня встать еще раньше надлежащего времени. И мы, склоняясь на ее убеждение, лучше захотели возвратиться с остатком болезни, чем опечаливать далее любовь вашу»¹⁰.

Некоторые говорят про старость, когда силы ослабеют, что она является препятствием к благовествованию. Но добрый пастырь, стоявший всю жизнь на страже слова Божия, и немногими словами может многих наставить на добрый путь, удержать от порочной жизни и дать добрый совет.

⁷ Иоанн Златоуст, Творения, т. IX, стр. 278.

⁸ Иоанн Златоуст, Творения, т. IX, стр. 412.

⁹ Иоанн Златоуст, Творения, т. IX, стр. 78—79.

¹⁰ Иоанн Златоуст, Творения, т. II, стр. 306.

Св. Григорий Богослов, до глубокой старости вещавший славу Божию, в своих «Словах о бегстве» пишет: (В пастырском деле) «и глубокая старость — не долговременная отсрочка. Ибо седина с благоразумием лучше неопытной юности, рассудительная медлительность — неосмотрительной поспешности»¹¹.

Но есть, по мыслям наших святых наставников, и такое условие в жизни пастыря, — что ему лучше совсем не говорить. Это условие состоит в заведомо нехорошей жизни священника, которой он разрушает то, что пытается созидать своими проповедями. «Надобно прежде самому очиститься, — учит св. Григорий Богослов, — потом уже просвещать; приблизиться к Богу — потом приводить к нему других; освятиться — потом освящать. Руководителю необходима рука, советнику потребно благоразумие».

Св. Иоанн Златоуст в своих беседах часто говорит, что порочная жизнь заковывает ум и сердце для познания истины. «Нечистая жизнь, — говорит он, — препятствует познанию высоких истин, не позволяя и разуму проявлять свою мыслительность... Кто ищет истины, в том должны соединиться всякие добродетели»¹².

Таким образом, слова ап. Павла: «Ибо Христос послал меня не крестить, а благовествовать, не в премудрости слова, чтобы не упразднить Креста Христова» являются для пастырей грозной заповедью в том смысле, что истинное благовествование требует от них великого напряжения нравственных и умственных сил и самого строгого отношения к своей жизни.

Митрополит Варфоломей

¹¹ Григорий Богослов, Творения, т. II, изд. Сойкина, стр. 50—51.

¹² Иоанн Златоуст, Творения, т. I, стр. 77.

ВАТИКАН И РУМЫНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ¹

(Перевод с румынского)

Введение. После великой схизмы 1054 г. папский Рим, считавший себя законным наследником императорского Рима, приложил немало усилий к тому, чтобы завоевать территории, оставшиеся в сфере религиозно-политического влияния Византийской империи.

Этими завоеваниями Ватикан преследовал в первую очередь политические и экономические цели и лишь во вторую очередь — религиозные, но и последние связывались, главным образом, с укреплением политических завоеваний или же служили средством проникновения в сферу противника.

Действуя таким образом, Ватикан утвердил себя, как политическую силу и как теократическое государство, стремившееся подчинить себе все остальные государства, под предлогом своих высших прав, унаследованных от всемирной римской империи.

Располагая огромными богатствами и сильной армией с мощным дипломатическим аппаратом, который через своих ставленников-королей диктовал свою волю другим государствам, Ватикан постоянно стремился проникнуть на Восток, мечтая об империи, которая олицетворяла бы собой «*orbis terrarum*».

На пути этих стремлений римского «папы» — цезаря находились и румынские княжества: Трансильвания, Валахия и Молдова. С целью их завоевания Ватикан использовал самые разнообразные средства: и католические династии Венгрии и Польши с их военно-политической и религиозной властью; и сеть духовных миссий с целой армией монахов; и даже католических княгинь, которые выдавались замуж за румынских князей. Мы не говорим уже о льстивых письмах в их адрес и о других неблагоприятных приемах пропаганды.

Таким путем папским агентам удалось кое-где проникнуть на территорию Румынской Православной Церкви и, похитив нескольких заблудших овец, создать для них епископии «*in partibus infidelium*» — миссионерские епископии в различных частях Трансильвании, Валахии и Молдовы.

Но сопротивление румынского клира и народа привело к тому, что все эти миссионерские епископии были по очереди ликвидированы, а главы их постарались по-волчьи проникнуть в среду верующих Православной Церкви.

¹ Библиография: Штефан Лупша, Трансильванская Церковь и уния 1697—1701 гг., Бухарест, 1949 г.

Л. Пыдуряну, Что представляло собой «объединение» с Римом в Румынской Церкви Трансильвании, Бухарест, 1948 г.

Л. Пыдуряну, Правда об унии 1700 года, Бухарест, 1949 г.

Таким образом, католицизм не смог обосноваться среди румын, и лишь в начале XVIII века в Трансильвании и во второй половине XIX века в Валахии и Молдове он, с помощью господствующих классов и католического королевского двора Гогенцоллернов, добился некоторых успехов.

Рассмотрим теперь эти две фазы проникновения и укрепления католицизма на территории Румынской Православной Церкви.

Уния 1700 г. в Трансильвании. До 1698—1700—1701 гг. религией всего румынского народа Трансильвании было православие (греко-восточная православная религия), и лишь в 1700 г., когда часть духовенства и народа, возглавляемая православным митрополитом Трансильвании Афанасием, приняла унию с католицизмом и создала себе новую церковную организацию, это единство православной веры в Трансильвании было нарушено.

Новая полукатолическая Церковь была названа греко-католической потому, что она сохранила обряды, организацию и дисциплину греко-восточного Православия; но с принятием некоторых догматов католической веры она все же не стала полностью католической. Она называлась еще и «Униатской Церковью», что указывало на факт объединения с Римско-католической Церковью.

Для того, чтобы пояснить причины, породившие унию 1700 г., мы, прежде всего, должны рассмотреть общее положение тогдашней Трансильвании и условия жизни румынского народа Трансильвании с точки зрения экономической, политической, религиозной и культурной.

Положение Трансильвании в общем историческом плане. До 1525 г. Трансильвания являлась частью венгерского королевства. С 1525 г. она перешла под турецкое владычество, но в качестве автономного княжества.

Начиная с 1540 г., католики утратили политическую власть над Трансильванией и их место заняли кальвинисты. Руководство страной стало осуществляться с помощью парламента трех наций (мадьяр, саксов и секлер) и духовенства четырех исповеданий: кальвинистского, католического, лютеранского и униатского.

Такое положение продолжалось, примерно, до 1683 г., когда турки стали терпеть поражения от австрийцев. Последние, продвигаясь к Трансильвании, заняли ее в период между 1686—1688 гг. и, закончив в 1697 г. победоносную войну с турками, полностью укрепили свое владычество над Трансильванией.

Экономическое положение румын в Трансильвании. Румыны жили в исключительной бедности: все крестьяне и даже священники были крепостными.

Буржуазии в то время среди румын не было, а немногие дворяне православного вероисповедания представляли собой мелких помещиков, обремененных тяжелыми непосильными налогами.

Среди румынской знати преобладали католики и особенно кальвинисты и униаты, а православные составляли небольшую часть — не более 10%.

Политическое положение. Весь румынский народ Трансильвании не имел никаких политических прав. Его только «терпели» на земле Трансильвании. Такое положение было и *de jure* и *de facto* и основывалось на законах страны.

Политическими правами пользовались только мадьяры, саксы и секлеры из буржуазии или духовенства, а крестьяне этих национальностей были такими же крепостными, как и румыны. Руководящие классы этих трех наций, заключившие союз в 1437 г. под названием «Unio trium Nationum» (Союз трех Наций), владели всем и не давали каких-либо прав крепостным румынам.

Религиозное положение. Как лишенная всяких прав, румынская нация, так и православная религия румын была лишь терпима в Трансильвании. Православный клир был крепостным, за исключением епископов и митрополитов, которые однако были обременены налогами.

Начиная от Стефана, короля Венгрии (997—1038), и до 1525, точнее, до 1540 г., когда в Трансильванию проникло лютеранство, Трансильванская Православная Церковь подвергалась постоянным преследованиям со стороны католиков.

В период с 1540 и до 1571 г. лютеране, кальвинисты и униаты успешно боролись с католицизмом, а позднее они все вместе обратили свое оружие против православия. Между 1572—1597 г.г. им удалось подчинить православного митрополита города Алба-Юлия (тогда называвшегося Былград) кальвинистскому епископу, который именовался «суперинтендентом». Это положение продолжалось до 1701 г., хотя с 1697 г. уже началось объединение части православных румын Трансильвании с Римом.

Между XI веком и 1540 г. большинство румынской знати перешло в католицизм и денационализировалось.

С 1572 г. (1597) и до 1701 г. Румынская Православная Церковь была подчинена только административной, но не религиозной юрисдикции кальвинистской церкви. В это время многие из румынских дворян, оставшиеся православными, и даже те, которые стали католиками, начали переходить к кальвинистам и к униатам.

В 1609 и 1632 гг. православные священники получили некоторые права, им снизили налоги, но по существу они остались такими же крепостными, как и крестьяне.

Культурное положение. Естественно, что румыны, не имея экономических, политических и религиозных свобод и прав, не могли развиваться и в культурном отношении. Правда, румыны имели свою древнюю народную культуру, но она оставалась еще в зачаточном состоянии. Впрочем, следует отметить, что в тот период румынский язык стал церковным языком в Трансильвании. В 1544 г. в городе Сибиу началось печатание религиозных и церковных книг на румынском языке, который постепенно стал заменять славянский язык, являвшийся до того времени церковным языком румын Трансильвании.

Таким образом, кальвинисты, в целях распространения своей веры среди румын, помогали последним сделать первые шаги в национальной культурной жизни.

Таково было положение румынского народа в конце XVII века, когда начались серьезные действия, имевшие целью объединить его с Римом.

История уни. После завоевания Трансильвании католической Австрией католики Трансильвании вновь начали борьбу за восстановление своих позиций, утраченных после 1540 г.

Король Леопольд I, желая укрепить свою власть в Трансильвании, постоянно наталкивался на сопротивление кальвинистов, лютеран и униатов. Против них он мог бороться лишь с помощью католиков, но в среде трех привилегированных наций католицизм распространялся довольно медленно. Поэтому политические руководители венского двора обратили свои взоры на румын Трансильвании, пытаясь окатоличить их в политических и религиозных интересах австрийской империи.

Но крепостных румын можно было привлечь на свою сторону лишь посредством предоставления прав, которых они были лишены. Поэтому император Леопольд I, опираясь на католиков, пообещал предоставить румынским православным священникам ряд экономических, политических и религиозных прав, если они перейдут в католицизм. Подобные обещания подготавливались и для народа.

Однако, чтобы не восстановить против себя кальвинистов, лютеран и униатов, король свое обещание о предоставлении прав румынам обусловил переходом в одно из четырех исповеданий: католическое, лютеранское, кальвинистское и униатское.

При таких обстоятельствах началось объединение православных румын с Римом. Это объединение проводилось, главным образом, иезуитами.

Еще в 1697 г., т. е. как раз в тот год, когда австрийцы закончили войну с турками, иезуиты просили Леопольда I обратиться к румынам Трансильвании с призывом об объединении их с Римом. Этот призыв появился 14 апреля 1698 г. В нем румынским православным священникам было обещано, что если они признают папу, то, сохраняя свой обряд, будут пользоваться всеми привилегиями наравне с католическим духовенством. Те, которые объединятся с одним из других официальных исповеданий, получают привилегии, предоставленные духовенству этих исповеданий. Те же, которые не объединятся, останутся в прежнем положении, т. е. в положении крепостных.

Кардинал Леопольд де Колонитс, глава католической церкви Венгрии, также обратился 2 июня 1698 г. с призывом, но он требовал объединения румын только с Римом и ставил условием этого объединения принятие румынскими священниками всех основных догматов католицизма.

В то время румынским православным митрополитом в Алба-Юлия был Афанасий, избранный осенью 1697 г. и получивший хиротонию в январе следующего года в Бухаресте.

На Афанасия и его протопопов оказали сильный нажим иезуиты. Они сумели собрать в Алба-Юлия несколько десятков протопопов и составили 7—21 октября 1698 г. акт о соединении их с Римом. Этот акт был составлен от имени митрополита Афанасия, но лишь 38 протопопов поставили под ним свои подписи. В акте содержится оговорка, что если обязательства, принятые на себя австрийским правительством, не будут выполнены, то и «объединение» не состоится. «А если они не предоставят этого положения для нас и для наших наследников, — говорится в акте, — то наши печати и подписи не будут иметь никакой силы».

Необходимо подчеркнуть, что по этому акту, составленному на основе призыва Леопольда I от 14 апреля 1698 г., объединение с Римом ограничивалось только признанием главенства папы. Но иезуиты, составив латинский перевод этого акта, внесли в него те пункты, которые имелись в призыве кардинала Колонитса от 2 июня 1698 г. 16 февраля 1699 г. Колонитс опубликовал копию императорского декрета, которым объединение румын Трансильвании с Римом утверждалось на условиях, содержащихся не в призыве Леопольда I, а в призыве Колонитса.

Декрет, об оригинале которого ничего неизвестно, был доведен до сведения румынских протопопов, собравшихся на Собор в Алба-Юлия 24 мая 1699 г., и этим актом было положено начало унии с Римом.

Нужно сказать, что митрополит Афанасий, не доверявший иезуитам, не проявлял особого усердия к выполнению условий унии. Поэтому иезуиты заподозрили его в неискренности и постарались оклеветать перед Леопольдом I, который вызвал митрополита в 1701 г. в Вену. Там Афанасий был судим и в конце концов был вынужден принять католическую веру. После этого католические иерархи вновь хиротонисали его во епископа и поставили в непосредственное подчинение архиепископу Эстергомскому Колонитсу. Кроме того, к нему был приставлен постоянный опекун в лице иезуита, без разрешения которого он не имел права предпринимать никаких действий.

Ввиду полного подчинения Афанасия, император Леопольд I издал 19 марта 1701 г. новый декрет по поводу унии, которым формально предоставлялись некоторые права клиру и греко-католическому румынскому народу Трансильвании

Епископ Афанасий вернулся из Вены в мае 1701 г., покорный и послушный своему иезуитскому опекуну.

Такова вкратце история «объединения» части православных румын Трансильвании с Церковью Рима. Оно закончилось, примерно, в 1700 г. и вошло в историю под названием «унии 1700 года».

Выводы. Обзор исторических условий, в которых слагалась жизнь румынского народа Трансильвании, показывает, что уния 1700 г. была порождена причинами политического, экономического и религиозного характера, которыми искусно воспользовались наемники Ватикана и королевский двор Вены.

Но эта уния оставалась для православных румын чисто формальной связью с католицизмом, и все лучшие люди румынского народа стремились отказаться от нее. Такими были Петру Майер, Георгий Шинкай, Самуил Мику и Иннокентий Мику (XVIII—XIX века) и все их наследники, которые на «Великом Румынском Национальном Собрании в Блаже» 15 мая 1848 г. потребовали восстановления религиозного единства румынского народа Трансильвании с Православной Церковью.

С другой стороны, с изменением условий, породивших унию, естественно изменялось и отношение к ней. Если унию можно объяснить экономическими, политическими и религиозными условиями феодального строя (1700-й г.), если можно понять ее существование при строе феодально-буржуазном, то в наши дни возникли такие обстоятельства, при которых уния должна была прекратиться и перейти в объединение с Румынской Православной Церковью.

Просвещенные и прогрессивные люди из среды клира и народа униатской церкви ясно увидели, что связи с Римом, установленные в 1700 г., потеряли свою силу, и в ответ на призыв руководителей Румынской Православной Церкви вернулись, вместе с верующим народом, в лоно своей Матери-Церкви Православной.

И вот 21 октября 1948 г., как раз в тот день, когда исполнилось 250 лет со дня унии 1698 г., торжественное собрание бывшего униатского клира и румынского народа объявило в Алба-Юлия воссоединение греко-католической Церкви Трансильвании с Румынской Православной Церковью.

Этим актом была ликвидирована одна из сильнейших позиций, завоеванных Ватиканом на территории Румынской Православной Церкви.

Священник Ливиу Стан,
профессор Богословского института в Бухаресте

О ЕДИНОВЕРИИ

(К 150-летию его существования)

Единоверие, противопоставляемое в России расколу, есть совокупность приходов Русской Церкви, единых с ней по вере, но разнствующих от нее в обряде. Как отдел старообрядчества, допущенный, на основании единства в вере, в общение с Российской Церковью, единоверие есть примиренное с Русской и Вселенской Церковью старообрядчество. Таким образом, в России, внутри одного и того же восточного православного исповедания и в недрах одной и той же Христовой Церкви, находятся два равно православных обрядства с их хранилищами—богослужебными книгами: одно—Собором исправленное, а другое — бывшее до Собора и относительно этого Собора—старое. Оба обрядства равны по православному и одинаковы по спасительности и древности. За воссоединенными старообрядцами сохранилось право совершать богослужение по старопечатным дониконовским книгам и руководствоваться старинными обрядами с условием подчинения в иерархическом отношении Православной Церкви, от которой они получают благодатных священнослужителей, рукополагаемых православными епископами.

В старообрядчестве давно уже ощущалось «оскудение» в священниках, которые совершали бы у них требы, вследствие чего среди старообрядцев возникла мысль приобрести законное священство, с епископом во главе. Начитанные старообрядцы отлично понимали, что без епископа церковь — не церковь, а самочинное сборище.

Попытки приобрести законное священство впервые возникли в главном центре поповщинского раскола, в Стародубье. Во главе лиц, наиболее озабоченных такими исканиями, стоял стародубский инок Никодим. В 1781 г. он решил просить для старообрядцев особого епископа у Русской Православной Церкви, с обязательством, чтобы этот епископ хранил старинные обряды и службу правил по старопечатным книгам. В частности, Никодим просил: 1) чтобы была разрешена клятва прежних русских соборов на старые обряды; 2) чтобы старообрядцам был дан епископ, находящийся в зависимости непосредственно от Св. Синода; 3) чтобы этот епископ рукополагал для них священников и все богослужения совершал по старому дониконовскому чину; 4) чтобы св. миро их снабжал Св. Синод.

Этим планом инока Никодима заинтересовались и сочувственно к нему отнеслись некоторые влиятельные светские и духовные лица и сама Екатерина II. В 1783 г. инок Никодим подал в Св. Синод прошение, подписанное старообрядцами в количестве 1500 человек, о воссоединении их с Православной Церковью на отмеченных выше условиях. Но неожиданная смерть инока Никодима 12 мая 1784 г. затормозила дело воссоединения старообрядцев. Ходатайство о даровании им отдельного епископа не было удовлетворено. В марте 1784 г. состоялось

высочайшее повеление на имя Петербургского Митрополита Гавриила о разрешении архиепископам Могилевскому и Славянскому назначить старообрядцам священника по их выбору. В 1788 г. Стародубье получило такого священника в лице Андрея Иоаннова (Журавлева), который не мало содействовал развитию единоверия в том крае.

Стремление к церковному воссоединению возникло и среди старообрядцев Москвы и Петербурга. В 1799 г. некоторые из московских и петербургских старообрядцев-поповцев изъявили желание воссоединиться с Православной Церковью и принять от нее «благословенных» священников. На подлинном их прошении рукой Павла I написано: «Быть по сему. Октября 27 дня 1800 г. Гатчино». Это прошение с царской подписью было возвращено московским старообрядцам и принято ими как полное утверждение предложенных ими условий соединения, как вечный акт признания равночестности и равноправности старообрядчества и Православия. Но впоследствии появились так называемые пункты, или мнения, Митрополита Платона, оказавшие также утвержденными 27 октября 1800 г., которые ограничили прошение старообрядцев во многом, а в своих дополнениях признавали воссоединенное с Православием старообрядчество лишь переходной ступенью к нему, выделив эти верные Православию старообрядческие приходы как бы в особую полусамостоятельную Церковь.

Единоверцы просили, чтобы Св. Синод снял клятвы на священную древность, но Митрополит Платон в своих дополнительных замечаниях ответил, что они положены праведно... Старообрядцы просили единения с Церковью при старых обрядах, но Митрополит Платон оставил им обряды лишь на время, лишь только «на том надеянии», что со временем, оставив старый обряд, присоединившиеся примут исправленный. Впервые они были названы им «единоверцами», а их храмы — единоверческими.

В верхах Православной Церкви все более устанавливался взгляд на единоверие как на переходную ступень; старый обряд считали неправильным, поврежденным и никак Церковью не благословляемым, а только «благоснисходительно невозбраненным» до времени. Единоверие не склонны были поддерживать и укреплять. Некоторые епархиальные архиереи считали его тем же «расколом», «полурасколом», трактовали его как «ни рак ни рыба», «ни то ни се», отказывались служить в единоверческих церквях по-единоверчески.

В широких общественных кругах того времени организация единоверия также не была понята правильно.

Разномыслия в воззрениях на единоверие, выяснение вопроса, с кем оно — с Православием или со старообрядчеством, — очень подробно, с достаточной ясностью, впервые раскрыл Митрополит Московский Филарет. «Единоверие, — говорит он в одном из своих мнений, — не есть начало. Начало есть Православие, а единоверие — распространение, развитие, движение сего начала к стороне раскола, с тою целью, чтобы отторженных от Православной Церкви возвратить к единству веры, Церкви и священноначалия, с предоставлением им, по снисхождению, употреблять в богослужении книги по изданиям, предшествовавшим исправлению, и положенные в сих книгах обряды. Отсюда наименование единоверия и «единоверческой» Церкви, — то-есть Церкви, которая соединена с общеправославной в вере, при разности некоторых обрядов. При таком устройении единоверческой Церкви, вступающим в нее предоставлено все, что могло быть допущено без нарушения чистоты Православия»¹. — «То, что наиболее осудительно и вредно в раскольниках,

¹ Филарет, Митрополит Московский, Собр. мнений и отзывов, т. 5, ч. 2, стр. 562.

есть их отчуждение от Церкви и мятежное против нее расположение. Единоверцы, победив свои расположения, при вступлении в единоверие, и вошед в благодатное общение священноначалия и таинств Церкви, согласно со своим наименованием, получают направление к единству и почитают Православную Церковь своею, а раскольников чужими»². Многим единоверцам, при самой организации единоверия и в последующее время, казалось не только неприятным, но даже оскорбительным самое наименование их «единоверцами», свидетельствующим как бы о принадлежности их к какой-то иной, только не Православной Церкви. Были неоднократные просьбы со стороны единоверцев о наименовании их «православными старообрядцами». И в этом отношении Митрополит Филарет дал вполне обстоятельное разъяснение. «Что значит Церковь единоверческая? Церковь, которая имеет единую веру с великороссийской Церковью, находится в соединении с нею и сим отличается от разномыслящих и чуждающихся Церкви великороссийской. Что же в сем неприятного или оскорбительного? Братиям единоверческих церквей мы говорим: вы единоверцы нам, а мы единоверцы вам. Как же может быть оскорбительным наименование, которое мы даем и себе наравне с другими?»³

Таким образом, Митрополит Филарет ясно раскрыл отношения единоверия к Православию. По его убеждению, единоверие в своей сущности — тоже Православие; единоверческая Церковь, отличаясь от так называемой общеправославной или грекороссийской Церкви несущественной разницей в обрядах, соединена с последнею единством веры, таинств и священноначалия такими крепкими узами, что первая не может быть мыслима раздельно от последней, но и та и другая есть одна Вселенская, Святая и Апостольская Церковь.

Не раз приходилось Московскому архипастырю останавливаться на рассматриваемом вопросе и в своих беседах, проводимых им в единоверческих храмах, чтобы, с одной стороны, разъяснить единоверцам православные понятия об отношении единоверия к Православию, а с другой, чтобы успокоить их совесть, смущаемую теми превратными толками об единоверии в его отношении к Православию, которые старались распространять раскольники, и теми ложными взглядами на этот предмет, которые царили в то время в православном обществе.

По представлению Митрополита Филарета, 16 мая 1866 г., на месте мужского отделения Федосеевского бесполовщинского Преображенского богадельного дома, был открыт Никольский (Спасо-Преображенский) мужской единоверческий монастырь. А еще ранее, 23 сентября 1854 г., состоялось освящение Никольского единоверческого храма на Рогожском кладбище, в центре раскола поповщины.

Не менее плодотворна по своим результатам и значению была деятельность московского святителя и в истории внутреннего развития единоверия. Вопрос о единоверческом епископе искони волновал единоверцев. Еще стародубский инок Никодим со своими сторонниками в числе условий воссоединения с Православной Церковью выставил дарование им «хорепископа», т. е. сельского епископа, но с тем, чтобы он подчинен был непосредственно Св. Синоду. Митрополит Филарет для противодействия возникшей австрийской иерархии послал тогда первенствующему Петербургскому Митрополиту Григорию и прочим членам Св. Синода предложение учредить в Московской епархии второго викария, которому и поручить единоверческие церкви не только Московской епархии, но «по усмотрению надобности и по удобству»

² Филарет, Митрополит Московский, Собр. мнений и отзывов, т. 4, стр. 310.

³ Филарет, Митрополит Московский, Собр. мнений и отзывов, т. 4, стр. 495—496.

можно поручить ему единоверческие церкви и некоторых ближайших епархий.

Но эту мысль Митрополита Филарета о возможности дать единоверцам епископа не одобрил первенствующий тогда член Св. Синода Митрополит Григорий. Мысль об единоверческом епископе ему не была противна, но он не разделял блестящих ожиданий Московского архиепископа от исполнения этого проекта. Внимание старообрядцев тогда было поглощено «австрийским» священством, и при таком обороте дела единоверческое викариатство могло быть лишь запоздалым подражанием, притом неполным подражанием, которое вызвало бы среди единоверцев невыгодные суждения о Православной Церкви. С этим вскоре должен был согласиться и сам Митрополит Филарет.

В истории внутреннего развития единоверия более серьезное значение имеет вопрос о клятвах Большого Московского Собора 1666—1667 гг. В «Пунктах» Митрополита Платона этот вопрос не был выяснен с той полнотой, которая не оставляла бы сомнений в приверженцах старого обряда. Но то, что было опущено Московским Митрополитом Платоном, было сделано Митрополитом Филаретом. Он с достаточной полнотой выяснил смысл соборных клятв 1667 г. и отношения последних к единоверию. Пользуясь актами Собора 1667 г., Митрополит Филарет показал, что клятвы Собора положены не на «старые обряды», но на тех приверженцев «мнимой» старины, которые с содержанием старых обрядов соединяют в то же время «упорство» и «противление Церкви». «Собор,— говорит Митрополит Филарет,— осуждает непослушных, прекословящих, противников. Следовательно, те, которые присоединяются к так называемым единоверческим церквам, и вместе с тем входят в послушание Православной Вселенской Церкви, чрез сие избавляются от осуждения Собора 1667 г. и не подвергаются оному»⁴.

При учреждении единоверия допущен был и другой, не менее важный, пробел. А именно, по словам самого Московского святителя, «не с строгой точностью и осторожностью поступлено было и в том отношении, что предшественники наши, приемля в общение церковное приходящих от раскола единоверцев и разрешая их от проклятия, положенного на раскольников Собором 1667 г., только предположили согласие восточных патриархов и не испросили сего согласия посредством сношения»⁵. «Раскольники,— указывает Митрополит Филарет,— говорят, что Св. Синод, как меньший Собор, не имел права один снять проклятие, наложенное большим Собором, в котором участвовали восточные патриархи, что посему единоверцы остаются еще под проклятием, употребляя обряды, осужденные Собором, и что потому опасно присоединяться к единоверческой церкви»⁶. Митрополит Филарет считал своим долгом, «для успокоения некоторых сомневающихся» позаботиться, чтобы «вышеозначенное возражение, особенно часто и упорно ныне раскольниками повторяемое, уничтожить очевидным для них образом и для этого войти от Св. Синода в сношение с восточными патриархами».

Итак, Митрополит Филарет с полной обстоятельностью и убедительностью ясно доказал каноничность организации единоверия и его тождественность с Православием.

Выясняя свои воззрения о тождестве единоверия с Православием, Казанское собрание епископов 1885 г., прямо во всеуслышание засвидетельствовало, что Православие и единоверие составляют одну Церковь, что единоверие есть та же единая православная вера, пребывание

⁴ Филарет, Митрополит Московский, Беседы к глаголемым старообрядцам, т. 4, стр. 310—312; стр. 90—102.

⁵ Филарет, Митрополит Московский, Собр. мнений и отзывов, т. 5, ч. 2, стр. 563.

⁶ Там же, т. 4, стр. 312.

в единоверии есть истинное и искреннее держание этой единой православной веры и пребывающие в единоверии. — истинно православные и истинно верующие сыны Святой Церкви. На этом же Казанском собрании епископов возникла мысль о созыве съездов противораскольнических миссионеров. Первый такой съезд состоялся в Москве 13 июля 1887 г. в Спасо-Преображенском единоверческом монастыре.

Перед открытием съезда Преосвященным Мисаилом был отслужен молебен, с точным соблюдением чина, изложенного в старопечатных книгах. Древние напевы, весь чин служения и, наконец, весь этот собор православных и так называемых единоверческих пастырей, совокупно совершивших молебное пение, воочию засвидетельствовали, что нет различия между ними, что они составляют Единую, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь. В работах съезда принимал непосредственное участие Митрополит Московский и Коломенский Иоанникий.

В этом же монастыре состоялся и второй миссионерский съезд, открытие которого было 29 июля 1891 г. Этот съезд был значительно больше первого. Съезд был открыт Преосвященным Виссарионом, отслужившим торжественный молебен Святой Троице, с умильными прошениями «о соединении с Церковью всех отпавших от нее».

Председательствовал на съездах настоятель Московского Спасо-Преображенского единоверческого монастыря архимандрит Павел Прусский. Это был воссоединившийся в 1868 г. с Православной Церковью ревностный деятель беспоповщины, известный миссионер, автор многих противораскольнических сочинений, ревностный поборник Православия, маститый старец, утешавший сырых и обездоленных, укреплявший колеблющихся в вере, просветивший светом Христовой истины не одну тысячу лиц, заблудившихся и отпавших от Православной Церкви, из коих многие — его ученики — впоследствии были единоверческими священниками. Своим пастырским советом он наставлял и помогал всем стремящимся к истинно христианским добродетелям. Он был отцом-наставником, человеком-братом, который видел в каждом прежде всего своего ближнего. «Люби ближнего, как самого себя» — было жизненным девизом этого высоко нравственного человека. Его жизнь, его труды, а также работы съездов противораскольнических миссионеров, председателем которых он был, имеют весьма важное значение в деле дальнейшего повсеместного развития и укрепления единоверия.

С этого времени положение единоверия начинает постепенно упрочиваться; стали происходить уже массовые присоединения старообрядцев к Православной Церкви на правилах единоверия, целыми старообрядческими приходами. Это особенно наблюдалось в Поволжье, на Урале, в Сибири и др. местах.

В 1865 г. произошло замечательное событие в истории единоверия — разумею присоединение к Православной Церкви членов белокрыницкой иерархии — Онуфрия, Пафнутия, Иоасафа, Филарета и Мелхиседека. Отсутствие в этих лицах раскольнического фанатизма и свойственных раскольникам предубеждений против Православной Церкви, искреннее их сочувствие Окружному посланию, в борьбе за которое некоторым из них пришлось принять самое деятельное участие, строгое обсуждение принципиальных вопросов старообрядчества — окончательно довершили начавшееся в этих лицах душевное перерождение, заставили их покончить с расколом и искать соединения с Православной Церковью. Они пришли к мысли, что в интересах миссионерской их деятельности среди раскольников им гораздо лучше присоединиться к Православной Церкви на правилах единоверия, а не безусловно. В этом смысле они и подали Митрополиту Филарету прошение о своем присоединении.

«Не в наших личных расположениях, — писали они, между прочим,

в этом прощении, — главная побудительная причина, по которой мы решаемся ходатайствовать о дозволении нам, на первое время, оставаться при обрядах единоверия... Прощение наше внушено нам собственно и преимущественно христианским снисхождением к немощной совести бывших некогда братьев наших — глаголемых старообрядцев и желанием посредством такого снисхождения привлечь и их в ограду Православной Церкви, в чем видим нашу прямую обязанность, возлагаемую на нас нашими, вредными для Церкви, действиями во времена лжепастырства и лжеучительства в расколе. А мы из многолетнего ближайшего знакомства с раскольниками знаем, с каким непреодолимым отвращением они смотрят на каждого, изменившего уважаемым ими обрядам, и вполне уверены, что слух о нашем общении с Церковью в самых обрядах послужил бы только к торжеству для врагов Церкви и положил бы преграду для свиданий и беседований с нами даже тем из старообрядцев, которые, как вполне известно, готовы уже последовать за нами...»

Митрополит Филарет признал основательность изложенных в этом прощении доводов, со своей стороны выразил полнейшее согласие присоединить просителей на условиях единоверия и 20 июня на их прошение положил такую резолюцию: «Святая Церковь с кротким состраданием взирает на тех, которые, не разнствуя с нею в существенных догматах веры или только неведением затмевая чистое разумение их, за имена и обряды чуждаются ее и сами себя лишают освящения, от сошествия Святаго Духа и от апостолов преемственно в ней пребывающего, и потому с радостью приемлет обращающихся к ней как тех, которые совершенно безусловно к ней присоединяются, так и тех, которые при сем желают сохранить употребление обрядов по особым известным правилам единоверия. Причины, по которым просители избирают последнее, достойны внимания. Христос да приведет вслед за ними в Свою спасительную ограду и других, лишенных истинного освящения, единства и охранения. Итак, да будут приняты в общение Святой Церкви на правилах единоверия»⁷.

Это было немалое приобретение для Православной Церкви, для единоверия, а для раскола — большая потеря, тем более чувствительная, что за ней вскоре же последовали другие, ей подобные. Так, вскоре к Православию на правилах единоверия был присоединен старообрядческий епископ Тульский Сергей и одновременно с ним другой член белокриницкой иерархии — протодиакон Кирилл Загадаев.

В 1866—1868 гг. совершилось присоединение к Православной Церкви старообрядческих иеродиаконов Феодосия и Викентия. Известны многие и другие случаи присоединения к Православной Церкви членов белокриницкой иерархии. Почти все присоединившиеся поселились в Москве. Они положили начало новому типу противораскольнических миссионеров, в связи со своей начитанностью в области старопечатных, уважаемых раскольниками книг, вместе с отличным знанием раскольнического быта, раскольнической литературы и их любимых возражений и полемических приемов. Некоторые из них, как, например, инок Филарет, оставили после себя ряд печатных противораскольнических, полемических изданий.

С устроением единоверческой церкви на Рогожском кладбище начались очень частые присоединения к единоверию. По свидетельству Митрополита Филарета, со времени освящения единоверческой церкви на Рогожском кладбище и до конца января 1865 г. «присоединилось из

⁷ Филарет, Митрополит Московский, Собр. мнений и отзывов, том 5, ч. 2, стр. 700—701.

поповщинской секты (т. е. из прихожан старообрядцев Рогожского кладбища) к единоверию душ обоего пола 1451 чел.»⁸. Не менее успешно проходило и присоединение старообрядцев-беспоповцев Преображенского кладбища. В сентябре 1854 г. обратившихся в единоверие преображенских старообрядцев-беспоповцев считалось 178 лиц, а к 1 июля 1855 г. было налицо единоверцев 407 человек обоего пола⁹.

В настоящем очерке приведены фактические данные о распространении единоверия во второй половине XIX века лишь по двум московским кладбищенским единоверческим приходам. Необходимо указать, что распространение единоверия по другим местам России в Поволжье, Сибири, на Урале, Украине, Кавказе за тот же период времени произошло в гораздо больших размерах. Было много случаев присоединения к единоверию целых старообрядческих приходов (Нижегородская, Саратовская губ., обл. войска Донского и др.).

Такое же стремление к воссоединению с Православною Церковью, на правилах единоверия, наблюдалось и среди старообрядцев беглопоповского согласия. Нам лично известны десятки случаев возвращения «беглых попов» в православие-единоверие с раскаянием.

В частности, в 1948 г., в декабре месяце, вышли из старообрядчества беглопоповства три священника, принятые в Православие — трудами и заботами Митрополита Крутицкого и Коломенского Николая — третьим чином чрез покаяние. Чиноприем совершал Преосвященный Макарий, викарий Московской епархии. Один единоверческий священник о. Феодор Архангельский, причисленный к Никольской единоверческой церкви, что на Рогожском кладбище, вскоре после своего воссоединения с Православной Церковью, 19 марта 1949 г., обратился с письмом к бывшей своей беглопоповской пастве. Письмо очень характерно. В начале, перечислив целый ряд беглопоповских епископов и кратко их характеризую, он пишет: «Означенные лица, не имеющие благодати Святаго Духа, есть простецы и не принадлежат к истинной Святой, Соборной, Апостольской, Христовой Церкви, а потому их общества представляют из себя в буквальном смысле секты, в которых нет благодатных ни епископов, ни священников, а есть только простецы. Без епископа несть Церкви, ни иерея, ни жертвы, ниже самих христиан (св. Игнатий Богоносец). Не может бо Церковь без епископа быть. Епископ в Церкви, Церковь во епископе (св. Иоанн Златоуст). Аще кто соборных церкви о себе собирает, не ради о церкви церковное хочет творити, не сущу с ним пресвитеру по воле епископа — да будет проклят. (Кормчая, 58 л., 6-е правило Гангрского собора.)

Простецы — уставщики-псаломщики причащают мирян якобы Святыми Дарами, а на самом деле хранящимися у них по несколько лет просфорами. Это не разрешается правилами св. апостолов. Аще мирянин восхищает священническая, то горше бесов осудится. Старообрядцы! Не надейтесь, что вы спасетесь со своими простецами. Почему? А потому, что кроме Святой, Апостольской, Соборной, Вселенской Церкви нигде несть спасения... За 24-летнее мое пребывание в старообрядчестве я насмотрелся и наслушался вашей церковной противозаконности, вашего произвола. А при последних ваших вышепоименованных, якобы епископах, а таковые у вас воистину простецы, я уже не нашел нужным пребывать в ваших старообрядческих, безблагодатных обществах, так как таковое пребывание не спасительно у вас, а губительно. Принимая во внимание безблагодатность ваших служителей алтаря и неспасительность, я оставил вас навсегда. Не прельщай-

⁸ Филарет, Митрополит Московский, Собр. мнений и отзывов, том 4, стр. 8.

⁹ «Православное обозрение» 1866 г., т. 20, стр. 124.

тесь вашими обрядами! Подумайте о Страшном Христовом Суде и о спасении ваших многогрешных душ. Идите ко Святой Вселенской, Соборной, Апостольской Христовой Церкви, и она, как любвеобильная мать, примет вас и спасет благодатию Господа нашего Иисуса Христа. Аз изрек вам истину и правду, и правда светлее солнца. Одновременно со мной вышли из старообрядчества два беглопоповских священника — священник о. Семен Нефедов, бывший природный старообрядец, прослуживший в беглопоповстве 24 года, и второй священник о. Иван Судачков, природный старообрядец, прослуживший в беглопоповстве 24 года (ныне священник единоверческой церкви с. Михайловской слободы, Раменского р-на, Московской обл.). Третий священник — я, Феодор Архангельский, прослуживший в беглопоповстве 24 года. В настоящее время мы все трое прославляем в истинной Святой, Соборной, Апостольской Церкви Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, Ему же и честь и слава со Отцем и со Св. Духом — всегда, ныне и присно, и во веки веков. Аминь».

Частично получены уже и отзвуки на это письмо, в высшей степени благоприятные для единоверия.

Приведенные примеры показывают движение и развитие единоверия в первые годы своего исторического существования и в последующее время и наглядно свидетельствуют, что организация единоверия нанесла расколу большой урон, вырвав из его пагубных недр большое количество верующих. Митрополит Филарет говорит: «Опыты показывают, что в раскольниках силу имеет не столько религиозное убеждение, поелику сила рассуждения мало у них раскрыта и образована; их держит в удалении от Церкви не столько заблуждение ума, сколько упрямство воли, а также корыстные связи, зависимость от сильных единомышленников, слишком распространенная уверенность в их неприкосновенности, надежда на силу денег»¹⁰.

Задерживающую многих в расколе силу представляли также богатые раскольники-фабриканты. Их рабочие-старообрядцы и желали бы по убеждению присоединиться к Церкви, но, боясь лишиться пропитания, вынуждены были воздерживаться.

В старообрядческом церковном календаре на 1949 г. помещена статья: «Краткая история святой древле-православной старообрядческой церкви в России». Здесь, на стр. 74, между прочим, сказано, что «только очень незначительное число старообрядцев пошло в единоверие, и серьезного значения в истории старообрядчества оно не имело». Такое суждение безусловно неверно, что и подтверждается приведенными мной фактическими примерами о развитии единоверия, как в первые годы его организации, так и в последующее время — вплоть до 1949 г.

В настоящее время в Москве имеется один единоверческий храм на Рогожском кладбище. Второй единоверческий храм в Московской епархии имеется в с. Михайловская слобода, Раменского района. Михайловская слобода издавна заселена исключительно единоверцами. Не располагая точными статистическими данными о современном состоянии единоверческих приходов в других местностях России, можно лишь предположить, что имеются как чисто единоверческие приходы, функционирующие бесперебойно с момента их основания, так и смешанные, т. е. с православным и единоверческим богослужением; последних, повидимому, больше, что вызвано, очевидно, местными условиями. Взгляд на единоверие, как на меру, имеющую своей конечной целью не просто приближение старообрядцев к Православной Церкви,

¹⁰ Филарет, Митрополит Московский, Собр. мнений и отзывов, т. 4, стр. 21 и 145.

но полнейшее их объединение с православными даже в единстве обряда, теперь можно считать устаревшим и отпавшим. В настоящее время единовѣрцы не только на словах, но и на деле признаны чадами единой Святой, Соборной и Апостольской Церкви.

В 1900 г. единовѣрцы праздновали 100-летний юбилей существования единовѣрия. К этому времени Св. Синод выпустил «Воззвание» к единовѣрцам, где они называются сынами Православной Церкви. В день юбилея это «Воззвание» Св. Синода было зачитано во всех единовѣрческих храмах. Во всех губернских городах в этот день служение в единовѣрческих храмах возглавляли епархиальные епископы.

Накануне Всероссийского Поместного Собора 1917—1918 гг. Св. Синодом было разрешено единовѣрцам собраться на I Всероссийский единовѣрческий съезд, каковой и состоялся в Нижнем Новгороде, под председательством Андрея, епископа Уфимского. Основным на съезде был вопрос о создании давно желаемого единовѣрческого епископата. В синодальных кругах, среди некоторых лиц, и даже потом в VI Отделе Предсоборного Присутствия, который ведал разработкой вопроса единовѣрия, все же высказывался взгляд о сепаратизме единовѣрия; говорили и писали, что с организацией единовѣрческого епископата единовѣрцы «отделятся», «отколятся» от Православной Церкви.

I Всероссийский съезд единовѣрцев единодушно доказал обратное, а именно — верность и преданность единовѣрия Православной Церкви, избрав кандидатами в единовѣрческие епископы в большинстве православных епископов, изъявивших свое желание служить по старопечатным книгам и старым обрядам. Первым кандидатом в единовѣрческие епископы единогласно был избран настоятель Петербургского Никольского единовѣрческого собора священник Симеон Шлеев (кандидат богословия Казанской Духовной Академии), впоследствии епископ Симон, умерший на Уфимской православной кафедре. Поместным Собором Русской Православной Церкви в 1917—1918 гг. в положительном смысле был разрешен вопрос о создании единовѣрческого епископата.

Отношение к единовѣрию, сложившееся у высших представителей церковной иерархии — православных архипастырей в последующее время, с полной убедительностью показало, что единовѣрие и Православие едино, что старые и новые обряды равночестны и благословенны и клятвы Собора 1666—1667 гг. не только не положены за употребление старопечатных книг, но даже не положено и запрещения на употребление их. Проклятие положено на раздорников и хулителей Церкви, за отпадение их от Церкви в раскол ради исправленных книг, за обвинение Церкви в мнимых ересьях. Все воссоединившиеся с Православной Церковью от этих клятв разрешаются. Что же касается самых обрядовых разностей, то отношение к ним Церкви ясно было выражено еще в XVII веке, когда Патриарх Иоаким, в Грановитой Палате, попу Нижките, упрекавшему Патриарха, будто власти мучат их за двоеперстие, сказал: «Мы за крест вас не мучим, — креститесь, как хотите, двумя или тремя перстами; мы порицаем вас за то, что Церкви не повинуетесь и лишаете сами себя вечного спасения».

В свете приведенных примеров я считаю уместным привести слова профессора Московской Духовной Академии Н. Ф. Каптерева, что «...так учит и сама Православная Церковь, а ей одной исключительно принадлежит право как устанавливать и освящать своим употреблением те или другие церковные обряды, так и производить в существующих обрядах те перемены, какие, по ее мнению, необходимы по требованию известных обстоятельств, в видах ограждения и упрочения Православия. Обязательство же всякого православного христианина в этом случае состоит в том, чтобы беспрекословно подчиниться водительству Церкви,

признать для себя обязательным и спасительным то, что таким признает «Святая Церковь»¹¹.

Вот с какими мыслями единоверцы приходят в канун славного юбилея — 150-летия существования единоверия — и со своей стороны прилагают все свои силы, чтобы к этому юбилею придти с положительными, а не отрицательными результатами. Они глубоко уверены, что во всех своих начинаниях, направленных исключительно на укрепление и развитие единоверия, они встретят полную поддержку со стороны Первосвященителя Русской Церкви Святейшего Патриарха Алексия, с его светлым взглядом на единоверие, глубоко уважающего и любящего старые, древние обряды.

Е. Шлеев

¹¹ Проф. Н. Ф. Каптерев, Патриарх Никон.

Из жизни наших Етархий

НА БОЛГАРСКОМ ПОДВОРЬЕ

Храм Успения «в Гончарах», предоставленный Московской Патриархией под Болгарское подворье, является ценным памятником архитектуры середины XVII века. (См. рис. на стр. 45.)

Он был построен в московской Гончарной слободе, где проживали гончары — мастера гончарного, керамического и «ценинного (изразцового) дела». Продукция этих мастеров, отмеченная высоким искусством, имела широкое распространение в Москве. Изразцами художественной работы был украшен и каменный храм Успения Пресвятой Богородицы в 1654 году.

При ремонтных работах летом 1949 г. было обращено внимание на маленькую, с улицы незаметную, главу, находящуюся над южным приделом. Тамбур и барабан этой главы были покрыты двумя слоями масляной краски, из-под которой выступали какие-то рельефные изображения. Оказалось, что под краской находятся произведения искусных мастеров Гончарной слободы, которые украсили в свое время храм Пресвятой Богородицы художественными изразцами, расположенными вдоль северной стены храма.

Когда специалисты расчистили масляную краску, то под ней оказался редкостный образец московского «ценинного дела», процветавшего в Гончарной слободе во времена постройки храма.

В обнаруженной монументальной керамике, наряду с орнаментальными и архитектурными мотивами, имеются изображения человеческих фигур. Каждая из них составлена из трех крупных квадратных изразцов, размером 40 × 40 см, на которых изображены четыре евангелиста. Изразцы дают своеобразную трактовку евангелистов в ярких зелено-красных одеждах, с белыми лицами и руками — на глубоком синем фоне, с желтыми нимбами, с Евангелиями в руках и с надписями, в обрамлении весьма своеобразных изразцовых пилястр. (См. рис. на стр. 46.)

Цилиндр главы, поставленный на восьмигранник, покрыт сплошным орнаментальным ковром изразцов разнообразного профиля. Этот ковер изображает поле, усеянное цветами.

Под железным козырьком, покрывающим восьмигранник сверху, также обнаружены изразцы, которые образуют керамическое покрытие, связывающее восьмигранник с цилиндром.

Замечательны лица евангелистов, — это настоящие народные русские лица, с русской бородой и с характерно подрезанными волосами «под скобку».

Этот редчайший памятник керамического искусства свидетельствует как о самобытности, так и высоком мастерстве московских гончаров середины XVII века.

П. Харламов



Храм Успения «в Гончарах»



Керамическое изображение св. евангелиста
в храме Успения «в Гончарах».

СОДЕРЖАНИЕ

Официальная часть

Обращение Патриарха Московского и всея Руси Алексия	3
Телеграмма Конференции духовенства Софийской епархии	4

Церковная жизнь

Служения Святейшего Патриарха Алексия (Май)	5
<i>Прот. А. Романовский</i> . Кончина епископа Казанского и Чистопольского Иустина	6
<i>Доцент А. Макаровский</i> . Профессор А. И. Сагарда (Некролог)	8
<i>П. Х.</i> Прибытие представителей Болгарской Православной Церкви	12

В защиту мира

Ответ Патриарха-Католикоса всех армян Георга VI на Обращение Святейшего Патриарха Алексия	14
<i>А. Крашенинников</i> . Единство христиан в защите мира	15

Речи и проповеди

<i>Митрополит Николай</i> . Цель	20
--	----

Статьи

<i>Митрополит Варфоломей</i> . О пастырском благовествовании	25
<i>Проф.-свящ. Ливиу Стач</i> . Ватикан и Румынская Православная Церковь	29
<i>Е. Шлеев</i> . О единоверии	34

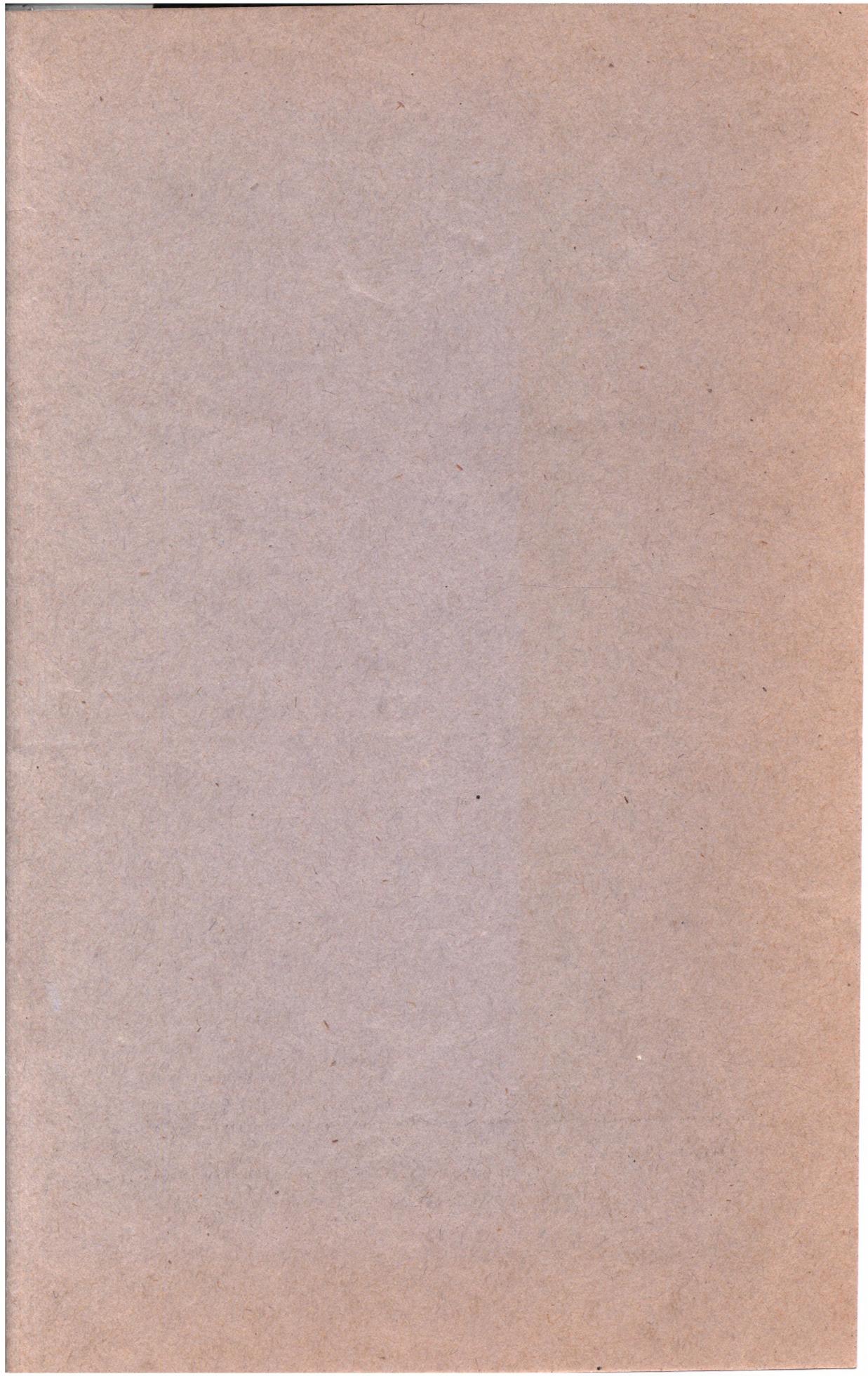
Из жизни епархий

<i>П. Харламов</i> . На Болгарском подворье	44
---	----

Издатель: **МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ** **Редактор:** **РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ**

По всем редакционным делам обращаться к и. д. ответственного секретаря редакции «Журнала Московской Патриархии» Л. Н. Парийскому — Москва, 48. Б. Пироговская, 2 (бывш. Новодевичий монастырь). Редакция «Журнала Московской Патриархии».

Отпечатано в 13-й типографии Главполиграфиздата при Совете Министров СССР. Москва, Гарднеровский, 1 а. Зак. 1581.



Цена 10 руб.